

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗД. ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

63 (05)

Л-50

жс 16111

Вып. 2.

II. Воспоминанія объ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи (нынѣ Московской С.-Хоз. институтъ).

Особенности слушанія и преподаванія въ Академіи: воспоминанія о первомъ Директорѣ ея Н. И. Желѣзновѣ и профессорахъ: П. А. Ильенковѣ, Н. Э. Ляковскомъ, О. Я. Д. Головинѣ; В. Е. фонѣ Графѣ; Н. Е. Поповѣ; И. И. Черноятовѣ; А. П. Захаровѣ; Соколовскомъ; И. К. Косовѣ; В. Т. Собичевскомъ; Н. Н. Кауфманѣ; Я. Л. Цвѣтковѣ; П. Б. Ауербачѣ; Г. А. Траутшолдѣ; Я. А. Борзенковѣ; М. П. Щепкинѣ и П. А. Стебутѣ.

19 іюня, 1861 г., послѣдовало Высочайшее, Его Величества Императора Александра II, повелѣніе, въ приобретенномъ казною, близъ Москвы, имѣніи «Петровское-Разумовское», по упраздненіи Лѣсной Академіи въ Петроградѣ, устроить высшее учебное заведеніе, подъ названіемъ *Петровская Земледѣльческая и Лѣсная Академія* *), а 27 октября 1865 года Высочайше утверждены, представленные въ Государственный Совѣтъ, проекты положенія (устава) и штата академіи и состоящей при ней фермы.

Такимъ образомъ, время съ 19 іюня 1861 г. по 27 октября 1865 г. шло въ организаціонныхъ работахъ по устройству перваго въ Россіи высшаго учебнаго заведенія, столь удачно объединившаго двѣ родственныя спеціальности: сельское и лѣсное хозяйства, задача которыхъ состоитъ въ правильномъ, такъ сказать, разумномъ, пользованіи богатствами земли и произведеніями ея продо-

---

*) Лѣсная дача Петровской Академіи, общей площадью 235,80 десятинъ, въ томъ числѣ по съемкѣ 1892 г., состояло: подъ лѣсонасажденіями 202,47 дес. подъ покосами, занятыми старымъ дубомъ, 9,10 дес., подъ дорогами, просѣками, болотами и водами 7,97 дес., подъ прогалинами и другими угодьями 9,26 дес.

Въ 1862 г. дача впервые снята на планъ для устройства ея, которое произведено въ 1863 году графомъ Варгасъ-де-Бедемаромъ.

вольствовать человѣка, кормить его домашнихъ животныхъ, шить сырыми матеріалами промышленность, которая въ свою очередь способствуетъ развитію отечественной торговли.

Въ 1865 году просвѣдательная роль Академіи ограничивалась фермерскимъ хозяйствомъ, включая и полеводство, причѣмъ функционировало и лѣсное хозяйство въ дачѣ, которая къ этому времени была устроена.

Нормальное чтеніе лекцій началось въ сентябрѣ 1866 года и къ тому времени успѣло зачислиться въ число слушателей Академіи до 350—375 лицъ. Лѣто и осень 1866 года были замѣчательны хорошею погодою, обиліе же растительности, въ которой утопала Академія, при изыществѣ цвѣтниковъ, газоновъ, парка и всего прочаго, производили на пришельцевъ пріятное впечатлѣніе и каждый изъ насъ, несмотря на крайнюю разношерстность, чувствовалъ, что академія, широко отбрасывая свои объятія, дастъ каждому столько знаній, сколько онъ можетъ ихъ воспріять, благодаря той степени развитія и учебной подготовки, съ которыми онъ вступилъ въ академію. Академія была заведеніемъ вполне открытымъ; для поступленія въ это высшее учебное заведеніе не требовалось ни экзаменовъ, ни строго опредѣленнаго ценза. Отсутствовало распредѣленіе преподаванія по курсамъ, не существовало переводныхъ, семестровыхъ и т. п. экзаменовъ; каждый слушатель могъ изучать одну или нѣсколько наукъ и никому не отказывалось въ надеждѣ, по выдержаніи экзаменовъ изъ всѣхъ предметовъ и выполненіи другихъ требованій «Устава» получить дипломъ кандидата сельскаго хозяйства или лѣсоводства, по желанію, согласно избранной специальности, съ правами, предоставленными этому званію студентамъ университетовъ. Свобода слушанія предметовъ и всего курса шла рука объ руку съ свободою преподаванія. Несмотря на то, что по Уставу 1865 г. (ст. 6-ая) въ Академіи преподавалось только 15 наукъ, весь объемъ которыхъ предполагалось проходить въ теченіе трехъ лѣтъ,—программы отдѣльныхъ предметовъ, утверждаемыя совѣтомъ академіи, были весьма обширны даже, такъ сказать, для вспомогательныхъ предметовъ, причѣмъ послѣдніе настолько были расчленены, что имѣющему право на полученіе диплома пришлось держать экзаменъ изъ 33 предметовъ. Почти каждый профессоръ излагалъ свой предметъ по столь обширной программѣ, что изученіе многихъ вспомогательныхъ предметовъ, отнимая много времени, мѣшало основательному изученію главныхъ или специальныхъ наукъ и явилось причиною

того, что молодые люди, значащѣ надѣявшіеся на получение диплома, принуждены были или отказаться отъ этой надежды, или крайне напрягать свои силы. Согласно ст.ст. 55 и 56 Устава 1865 года дипломъ выдавался слушателямъ, выдержавшимъ экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ академическаго курса и представившимъ письменное разсужденіе по предметамъ избранной ими спеціальности, независимо отъ того, окончили они или нѣтъ какое-либо среднее учебное заведеніе. Только отъ постороннихъ лицъ (т.-е. не слушателей Академіи) требовалось, кромѣ выполненія указанныхъ требованій, представленіе свидѣтельства о выдержаніи ими испытаній изъ предметовъ полнаго гимназическаго курса.

Отсутствіе вступительныхъ и переводныхъ экзаменовъ, отсутствіе самыхъ курсовъ, и перспектива получения званія «кандидата», по правамъ идентичнаго съ правами «кандидата» Императорскихъ Университетовъ безъ свидѣтельства объ окончаніи курса въ гимназій или иномъ среднемъ учебномъ заведеніи,—были главнымъ стимуломъ, толкнувшимъ въ широко открытую дверь Академіи волны слушателей. между которыми находилось не мало разныхъ неудачниковъ, недочетъ, исключенныхъ, неимѣющихъ даже элементарной подготовки, хотя на ряду съ ними было много не только прошедшихъ нѣсколько курсовъ Университета, но и лицъ съ законченнымъ высшимъ образованіемъ.

Такое ненормальное положеніе незамедлительно обнаружилось на первыхъ порахъ учебной жизни Академіи и вызвало измѣненіе ст. 55 Устава 1865 года: 14 ноября 1866 года состоялось Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта, согласно которому ст. 55 изложена въ слѣдующемъ видѣ: къ испытанію на степени кандидата сельскаго хозяйства или лѣсоводства допускаются слушатели Академіи и постороннія лица, не иначе какъ по представленіи свидѣтельства о выдержаніи ими испытанія изъ предметовъ полнаго гимназическаго курса.

Это заставило многихъ отказаться отъ надежды на полное окончаніе курса по той или другой спеціальности, а болѣе солидные оставились на основательномъ изученіи отдѣльныхъ предметовъ, главнымъ образомъ сельско-хозяйственной спеціальности, химіи и др., для чего Академія располагала богатыми для того времени учебными средствами и выдающимся преподавательскимъ персоналомъ.

Слушатель, выдержавшій экзаменъ по данному предмету, получалъ за подписью Директора и Секретаря Совѣта свидѣтельство, удостоверяющее въ томъ, что означенное лицо выдержало экзаменъ

по данному предмету на степень кандидата той или иной специальности. Свидѣтельства эти не давали никакихъ правъ (напр. на чины), но относящіяся къ специальнымъ предметамъ (напр. земледѣлю, животноводству и др.) позволяли устраиваться на хорошо оплачиваемыхъ частныхъ должностяхъ.

Слушатели, которые сосредоточились на изученіи отдѣльныхъ специальныхъ предметовъ, нерѣдко получали мѣста директоровъ заводовъ, химиковъ, управляющихъ имѣніями и даже цѣлыми лятифундіями, достигали благосостоянія, благодаря, конечно, отчасти и личнымъ качествамъ, но, главное, вслѣдствіе основательнаго знакомства съ основами сельскаго хозяйства и лѣсоводства, а между тѣмъ эти лица, въ общемъ, привнесшія много пользы русскому земледѣлю, официально не считались окончившими курсъ Петровской Академіи, хотя, какъ сказано, и получали особыя свидѣтельства отъ совѣта Академіи, удостоверяющія въ знаніи того предмета, который обозначенъ въ свидѣтельствѣ.

Но такъ какъ русское общество, особенно въ то время, къ которому относится мое воспоминаніе, привыкло опѣивать продуктивность учебнаго заведенія по числу выданныхъ дипломовъ, а таковыхъ никто изъ слушателей до 1869 года не удостоился, то уже въ 1868—69 году въ прессѣ, отъ лица русскихъ хозяевъ, появились упреки и недовольство режимомъ Академіи, не дающимъ нужныхъ дѣятелей для реформированія сельскаго хозяйства, очутившагося, съ уничтоженіемъ крепостной зависимости крестьянъ, въ условіяхъ, при которыхъ веденіе хозяйства старымъ порядкомъ, оказалось невозможнымъ. Недовольство это было основано на предразсудкѣ и незнакомствѣ съ положеніемъ дѣла. Едва-ли я впаду въ преувеличеніе, если отмѣчу, что къ тому времени, когда наступили единичные выпуски и рѣдко группами, въ 2—5 человекъ, дипломированныхъ, работали на сельскохозяйственномъ поприщѣ уже сотни слушателей, оставившихъ Академію съ свидѣтельствами, а то и безъ послѣднихъ, вынесшихъ знанія отъ того, что они слышали и видѣли въ аудиторіяхъ и на угодьяхъ, принадлежащаго Академіи земельного имущества.

Но возвращаюсь къ лѣту и осени 1866 года, когда въ Академію наѣхало, какъ сказано, до 350—375 слушателей, представлявшихъ собою очень пестрое общество: инородцы, евреи, казаки, офицеры, масса статскихъ (въ то время студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній не носили формы), межевые чины, псаломщики, семинаристы и пр. и пр. Обожь съ 17—18-лѣтними юношами, не мало

было далеко перешагнувшихъ за 30 и болѣе лѣтъ, не говоря уже о единичныхъ сѣдовласыхъ, окончившихъ Университетъ, Медицинскую Академію, Межевой Институтъ и т. п.; нѣкоторые изъ этихъ лицъ уже имѣли продолжительную жизненную практику въ качествѣ управляющихъ, врачей и т. п.

Всѣ эти люди, уже съ первыхъ дней своего пребыванія на территоріи Академіи, группировались по разнымъ признакамъ: землячеству, національности, политическимъ убѣжденіямъ, интересу къ наукѣ, отчасти и сословности. Припоминаю, какъ гордо держала себя польскаго партія, въ центрѣ которой стояло нѣсколько титулованныхъ молодыхъ людей «*randw hrabiaw i ksiqzant*», около которыхъ вертѣлась молодая шляхта, уже тогда разсчитывающая на блага отъ такого сообщества.

На ряду съ этимъ нѣкоторые изъ слушателей старались ознакомиться съ предстоящимъ порядкомъ слушанія курса, такъ какъ многіе не отдавали себѣ строгаго отчета, съ какихъ предметовъ начинать курсъ, такъ какъ, судя по расписанію, одновременно началось чтеніе почти всѣхъ предметовъ. Это, конечно, объяснялось тѣмъ, что въ числѣ слушателей находилось много достаточно подготовленныхъ къ тому, чтобы прямо слушать спеціальныя предметы, отчасти и тѣмъ, что нѣкоторые желали прослушать вспомогательныя предметы для того, чтобы приступить къ изученію намѣченнаго предмета изъ спеціальныхъ, напр., сравнительную анатомію и зоологію для того, чтобы изучать зоотехнію, химію, какъ науку облегчающую изученіе сельско- и лѣсохозяйственной технологіи; ботанику и фізіологію растений, какъ вступительныя въ частное растеніеводство и т. п.

Нѣкоторые изъ профессоровъ не только шли на встрѣчу молодежи въ ея затрудненіяхъ, но при всякомъ случаѣ приглашали къ себѣ слушателей, чтобы ознакомить съ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ русскаго общества и Академіи.

Первымъ директоромъ Академіи и, какъ говорили, *главнымъ строителемъ ея* (членомъ комитета) былъ *Николай Ивановичъ Желтновъ*, извѣстный фізіологъ-ботаникъ, докторъ ботаники, изучившій агрономію заграничей, уже имѣя степень доктора, бывшій профессоръ сельскаго хозяйства Московскаго университета, членъ Академіи Наукъ. Онъ производилъ на многихъ изъ насъ чарующее впечатлѣніе своею внѣшностью, умною рѣчью, утонченною вѣжливостью, хотя и не скрывалъ брезгливости, если встрѣчался съ лицами, утрировавшими свой демократизмъ наяршливостью и гру-

бостью, а такихъ между слушателями, особенно изъ недоучекъ— было много. Въ Николаѣ Ивановичѣ прежде всего сказывался чело- вѣкъ «высокой крови», аристократъ въ наукѣ и въ жизни, не тер- пящій ничего, что оскорбляло эстетическое чувство и выходило за предѣлы приличія. Благодаря такому душевному качеству, при вы- сокомъ умѣ и большихъ знаніяхъ, Петровская Академія, ко дню ея стертія, во всѣхъ своихъ деталяхъ была изящна, вездѣ обнаружи- вался вкусъ и ничего не было нецѣлесообразнаго. Его плану и испол- ненію послѣдняго Рихардомъ Ивановичемъ Шредеромъ,—главнымъ садовникомъ академіи, обязанъ былъ своей красотой, разнообразіемъ растительности и превосходнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ, цвѣтннкъ, раскинутый передъ заднимъ фасадомъ главнаго зданія Академіи, гдѣ находится фонтанъ. Ник. Ивановичъ Желѣзновъ много потрудился надъ обогащеніемъ академическихъ оранжерей, въ которыхъ сосре- доточено было большое число субъ-тропическихъ и тропическихъ растений, а теплица съ камеліями, по разнообразію и множеству сор- товъ, была лучшею въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, гдѣ тогда сла- вились оранжереи и теплицы графа Шереметева, князя Голицына и др. Говорятъ, что теплица съ камеліями поддерживалась все время, пока жилъ и работалъ въ Академіи главный садовникъ Р. И. Шре- деръ, а затѣмъ уничтожена.

По «Уставу», окончившіе курсъ въ Петровской Академіи полу- чали степень «кандидата» сельскаго хозяйства или лѣсоводства. Эта степень соответствовала нынѣшнимъ—ученому агроному 1-го раз- ряда въ Московскомъ С.-Хоз. Институтѣ и ученому лѣсоводу 1-го разряда въ Императорскомъ Лѣсномъ Институтѣ; но въ обоихъ названныхъ заведеніяхъ установлены и званія ученаго агронома и ученаго лѣсовода 2-го разряда; въ тѣ же времена, къ которымъ относятся мои воспоминанія, въ университетахъ студенты оканчи- вали курсъ со степенью кандидата и званіемъ дѣйствительнаго сту- дента, смотря по успѣшности занятій, опредѣлявшихся отгѣтками на экзаменахъ. Въ бывшей въ Петроградѣ (тогда Петербургѣ) Лѣс- ной Академіи слушатели оканчивали курсъ съ чиномъ: поручика, подпоручика и прапорщика; въ другихъ высшихъ учебныхъ заве- деніяхъ оканчивающихъ курсъ также подраздѣляли на два разряда, высшій и низшій. Между тѣмъ, Петровская Академія выпускала своихъ слушателей одной степени, т.-е., она не допускала не пол- ныхъ знаній или посредственности въ своихъ питомцахъ. Этимъ объяснялась строгость экзаменовъ, исключавшихъ возможность проскользнуть съ неполными знаніями, чему много способствовала

и малочисленность желающих подвергнуться экзамену: обыкновенно являлось въ данную экзаменаціонную комиссію 3—5, много 8 человекъ. Проведеніе въ уставъ Академіи закона о выпускѣ окончившихъ курсъ только со степенью кандидата принадлежало Н. И. Желѣзнову.

Н. И. Желѣзновъ принадлежалъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ Новгородской губерніи (имѣніе Нароново, близъ ст. Торбино, Николаевской жел. дор.). Въ бытность свою директоромъ Петровской Академіи онъ чуть-ли не первый на сѣверѣ произвелъ осушку болотъ въ своемъ имѣніи, куда, въ періодъ 2—3 лѣтъ, ежегодно лѣтомъ ѣздилъ нѣсколько слушателей въ качествѣ практикантовъ, принимавшихъ участіе, подъ руководствомъ инженера, въ исполненіи осушительныхъ работъ дренажемъ и открытыми канавами. Говорили, что на эту меліорацию затрачено было свыше 10 тысячъ рублей, и что однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Н. И. Желѣзнова былъ нашъ профессоръ зоотехніи И. Н. Чернопятковъ, безызвѣстный для того времени авторъ руководства по орошенію (1861 г.) и руководства къ «Торфяному Хозяйству» (1857 г.). Въ д. Нароновѣ Н. И. устроилъ первую метеорологическую станцію. Съ отрадою рисуя мысленно обликъ перваго директора Петровской Академіи Н. И. Желѣзнова, при которомъ протекала и моя студенческая жизнь, стоя отъ него далеко, я, при всякомъ случаѣ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ слушалъ его (лекціи по физиологіи растений). Слушатели часто встрѣчали своего директора въ академическомъ паркѣ и цвѣтникѣ; послѣднимъ особенно интересовался Н. И. и постоянно вносилъ какія-либо художественныя улучшенія. Не чуждалась знакомства со слушателями и супруга Н. И. Желѣзнова. Мы ее часто встрѣчали съ дочерью-подросткомъ и съ сыномъ 7—8 лѣтъ. Послѣдній послѣ смерти Н. И. велъ хозяйство въ родовомъ имѣніи и былъ продолжительное время мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, шрвая эту службу до смерти, послѣдовавшей кажется въ 1911 году. Сестра его, какъ слышно было, за нѣсколько лѣтъ до смерти брата убита грабителями въ томъ же имѣніи; убійцы остались необнаруженными.

Николай Ивановичъ Желѣзновъ стоялъ во главѣ Академіи до 1879 года и затѣмъ переехалъ въ Петроградъ. Послѣдній разъ я случайно встрѣтилъ его въ 1874 году въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ Совѣта Министра. Онъ вспомнилъ меня и сообщилъ, что очень интересовался мною, какъ авторомъ статьи, помѣщенной въ «Лѣсномъ Журналѣ»,

с трюфелѣ въ дубовыхъ лѣсахъ Подольской губерніи, гдѣ мнѣ удалось ознакомиться съ этимъ подземнымъ растеніемъ, находящимся въ симбіозѣ съ дубомъ, и гдѣ тогда производился промышленный сборъ трюфелей, отправляемыхъ евреями-скупщиками за границу. главнымъ образомъ, въ Вѣну. Н. И. Желѣзновъ, въ бытность директоромъ Академіи, не разъ знакомилъ насъ съ «*бѣлыми трюфелями*» Московской губ., и зная *черные трюфели* въ Перигордѣ (Франція), не подозрѣвалъ, что наши естественные черные трюфели, если не выше, то не хуже перигордскихъ. Онъ былъ очень доволенъ, когда я передалъ ему нѣсколько роскошныхъ экземпляровъ нашего южнорусскаго трюфеля, намѣреваясь заняться изслѣдованіемъ физиологическихъ и химическихъ свойствъ русскаго трюфеля, и сообщилъ, что, судя по переданнымъ экземплярамъ, русскій трюфель, произрастающій естественно въ почвѣ дубняковъ Подольской губ., стоитъ выше разводимыхъ въ окрестностяхъ Шеригорда (Франція), гдѣ водворенію трюфеля предшествуетъ разведеніе дуба. Кажется этого намѣренія Н. И. Желѣзновъ не успѣлъ осуществить за смертью.

Н. И. Желѣзновъ авторъ очень многихъ статей и монографій. Быть-можетъ, историки Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи полнѣе оцѣнятъ дѣятельность въ этой области высокообразованнаго русскаго ученаго; но я отмѣчу здѣсь только тѣ работы Н. И. Желѣзнова, которыя не утратили научнаго и практическаго интереса до сегодня: 1) О дражничныхъ крышахъ (оттискъ изъ журнала «Сельскаго Хоз. и Лѣсоводства» за 1871 г.); 2) О весеннихъ цвѣтникахъ,—1871 г.; 3) О разведеніи хмѣля въ средней Россіи,—1875 г.; 4) О пересадкѣ большихъ деревьевъ,—1872 г.; 5) Наставленіе къ разведенію хмѣля (оттискъ изъ журнала «Сельское Хоз. и Лѣсоводство», т. СХVIII); 6) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Дарвинѣ и его трудахъ по садоводству и ботаникѣ (оттискъ изъ «Вѣстн. Садоводства» за 1876 г.); 7) Изслѣдованія объ *ухвостѣ* гречихи,—1876 г.; 8) О возведеніи строеній изъ глины,—Петрогр., 1876 г.; 9) Въ 1881 году (послѣ смерти Н. И. Желѣзнова) Ярославское общество сельскаго хозяйства издало «Руководство къ разведенію хмѣля», какъ сказано: «Позаимствованное изъ сочиненія Н. И. Желѣзнова», Ярославль, 1881 г.; 10) О распространеніи бѣлаго трюфеля въ Россіи («Вѣстн. Общ. Сад.» 1873 г.); 11) «О происхожденіи зародыша и теоріяхъ произрожденія растений»,—1842 г. За сочиненіе—12) «О развитіи цвѣтка и яичка у *Tradescantia Virginica* L»—получилъ степень маги-

стра (1840 г.); 13) За работу «Объ эмбриологіи высшихъ растений» (1842 г.),—удостоенъ степени доктора (ботаники); 14) Sur l'embryogénit du molèze (въ «Bull.-Soc. Nat», Москва 1849 г.); 15) Recherches sur la quantité et la répartition de l'eau dans la tige des plantes» (1875 г.); 16) «Метеорологическія наблюденія въ дер. Нароново» (1854—1862 г.).—Это были чуть-ли не первыя въ Россіи правильно поставленныя метеорологическія наблюденія на частныя средства, въ частномъ имѣніи, давшія очень цѣнныя для сельскаго хозяйства указанія, не потерявшія интереса до настоящаго времени, а по методу, выработанному Н. И. Желѣзновымъ, достойны и примѣненія; 17) «Хмѣлеводство въ Гуслицяхъ» (1876 г.), и мн. др. Вообще, написано было свыше 60 работъ, оригинальныхъ по темѣ и ея разработкѣ. Н. И. Желѣзновъ не оставилъ послѣ себя многотомныхъ сочиненій; но почти всѣ его работы много содѣйствовали прогрессу науки и приложенію ея къ жизни. Н. И. Желѣзновъ—натура поэтическая, благородная, высокообразованная; онъ любилъ и понималъ искусство, отлично владѣлъ кистью и карандашомъ; всѣ рисунки и иллюстраціи въ его работахъ принадлежать ему самому. Подробный некрологъ Н. И. Желѣзнова помѣщенъ въ «Трудахъ Петрогр. общества естествоиспытателей» за 1877 г., Карл. Фед. Кесслеромъ, другомъ незабвеннаго для Россіи Н. И. Желѣзнова.

Скончался Н. И. Желѣзновъ скоропостижно, въ ночь на 15-е января 1877 г., но имя его будетъ вѣчно жить въ лѣтонисяхъ Россіи, какъ доблестнаго и заслуженнаго сына ея.

Лица, писавшіе его некрологъ, напр., другъ его К. Ф. Кесслеръ, свидѣтельствуютъ, что Н. И. Желѣзновъ, участвуя въ составленіи проекта устава Петровской Академіи, думалъ мысль сдѣлать это заведеніе явилъ открытымъ, безъ всякихъ вступительныхъ и переходныхъ экзаменовъ, полагая, что крестьянская реформа (въ которой онъ по Новгородской губ. принималъ активное участіе) вызоветъ большой спросъ на сельско- и лѣсо-хозяйственное образованіе, и онъ пламенно желалъ, чтобы Петровская Академія была всѣмъ доступна, чтобы въ ней старый и молодой могли приобретать знанія по разнымъ отраслямъ сельскаго и лѣсного хозяйства, безъ всякаго стѣненія курсами и рангами. Идеѣ этой сочувствовалъ и Министръ М. Н. Муравьевъ, который былъ ревностнымъ поборникомъ созданія образцоваго высшаго сельско- и лѣсо-хозяйственнаго учебнаго заведенія, въ память Императора Петра Великаго.

Во все время моего пребыванія въ Академіи, мнѣ, какъ скромному, крайне застѣнчивому, не удалось сказать и десяти словъ Н. И. Желѣзнову; какъ у него, такъ и у другихъ профессоровъ я ничего не искалъ, кромѣ, конечно, знаній, исполняя принятыя на себя обязанности, трудомъ пробивалъ себѣ путь къ намѣченной цѣли, т.-е., окончанію курса, и, въ количественномъ смыслѣ былъ первымъ, получившимъ дипломъ кандидата лѣсоводства и вторымъ или третьимъ изъ удостоенныхъ дипломовъ слушателей Академіи. Вообще, хотя я окончилъ съ экзаменами осенью 1869 г., но фактически получилъ дипломъ въ началѣ 1870 г., когда Николай Ивановичъ перешелъ на службу въ Петроградъ, вѣроятно, подъ влияніемъ пережитаго Академіей тяжелаго потрясенія на почвѣ политическаго броженія молодежи, о чемъ скажу ниже (II ч. воспоминаній). Будемъ же надѣяться, что память перваго директора Академіи не умретъ и что въ полулѣтнюю годовщину существованія перваго въ Россіи сельско- и лѣсо-хозяйственнаго высшаго учебнаго заведенія будетъ возбуждено ходатайство о разрѣшеніи увѣковѣчить имя Н. И. Желѣзнова монументомъ гдѣ-либо передъ главнымъ зданіемъ заведенія или въ другомъ мѣстѣ.

На ряду съ Ник. Ив. Желѣзновымъ я ставлю въ моихъ воспоминаніяхъ *симпатичный образъ Павла Антоновича Ильенкова*, профессора агрономической и аналитической химіи (качественнаго и количественнаго анализа). Это былъ увлеченный сѣдинами человекъ, не носившій, однако, ни малѣйшихъ признаковъ старости, такъ какъ родился въ 1819 году, скончался въ 1877 г.—58 лѣтъ. Величавый, стройный, подвижный, красивый типъ повидимому малоросса, а какъ человекъ—это былъ добрейшій, омызчивый, помогавшій слушателямъ во всемъ, входившій въ ихъ нужды и запросы. Какъ ученый, Павелъ Антоновичъ Ильенковъ былъ авторитетный химикъ-технологъ, и до назначенія его ординарнымъ профессоромъ въ новооткрытую Петровскую Земледѣльческую и Лѣсную Академію, преподавалъ технологию въ реальномъ отдѣленіи Петроградскаго Университета. Это былъ любимый молодежью профессоръ, человекъ великаго разума, высокой души и громаднаго знанія. Излагалъ онъ свой предметъ настолько увлекательно, ясно и просто, что между слушателями находились увлекшіеся исключительно изученіемъ химіи какъ науки, въ ея практическомъ примѣненіи въ технику.

Павель Антоновичъ Ильенковъ въ 1843 г., окончилъ курсъ въ Петроградскомъ Университетѣ по реальному отдѣленію, послѣ чего находился долго въ заграничной командировкѣ, для изученія технической химіи и технологіи. Проведя за границей два года, П. А. Ильенковъ слушалъ въ Берлинѣ знаменитыхъ въ то время профессоровъ: Диве, Метчерлиха, Магнуса, Розе, и посѣтилъ всѣ районы съ развитой фабричной и заводской промышленностью: въ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи и Австріи; въ Гиссенѣ слушалъ лекціи и работалъ въ лабораторіи Юстуса Либиха, и въ Парижѣ слушалъ славныхъ химиковъ профессоровъ: Дюма, Шевреля, Пелуза и др., а на заводахъ Парижа практически занимался техническими производствами. Замѣчательная диссертация «О химическомъ процессѣ приготовления сыровъ» (1847 г.), дала ему степень магистра технологіи; Петроградскій Университетъ поручилъ ему читать технологію студентамъ камеральнаго отдѣленія.

Отсутствіе учебныхъ пособій и руководствъ, до крайности затрудняли прохожденіе курса и лишало возможности демонстрировать излагаемое. По энергичному настоянію П. Я. Ильенкова, отчасти на его средства учреждена была при университетѣ техническая лабораторія, для практическихъ занятій студентовъ. Въ качествѣ экстраординарнаго профессора П. А. Ильенковъ оставался въ университетѣ до 1855 г., а затѣмъ поступилъ директоромъ на сахарные заводы графовъ Бобринскихъ, но, спустя 5—6 лѣтъ, снова возвратился къ профессорской дѣятельности въ нашу Петровскую Земледѣльческую и Лѣсную академію, во времени фактическаго открытія которой, въ 1865 г. П. А. Ильенковъ удостоенъ Петроградскимъ университетомъ степени доктора технологіи за сочиненіе «Ислѣдованіе о возможности употребить молочную кислоту для извлеченія углекислой извести изъ костяного угля». Совмѣстно съ нашимъ весьма любимымъ профессоромъ неорганической и органической химіи Николаемъ Эрстовичемъ Лясковскимъ (профессоромъ Московскаго университета) П. А. Ильенковъ напечаталъ въ «Annalen d. Chemie und Pharmacie» 1845 г. Ueber die Fluchtigen organischen Säuren im Käse. Въ томъ же журналѣ за 1847 г. самостоятельно напечаталъ статью «Ueber Fäulnisproducte des Thierscaseins». Весьма важное практическое значеніе имѣла для военнаго дѣла, работа «Ислѣдованіе объ опредѣленіи степени уплотненія массы въ пороховыхъ зернахъ (Артилл. журналъ 1854 г.). Затѣмъ опмѣтимъ слѣдующія работы П. А. Ильенкова: 1) «Лекціи агрономической химіи». Москва. 1872 г. 2) Переводъ на русскій языкъ, сочиненіе Либиха: «Химія въ приложеніи къ земле-

дѣлю и физиологін растений». 3) «Разсужденіе о хим. процессѣ приготовленія сыровъ» 1847 г. 4) Капитальнымъ и безспорно выдающимся трудомъ П. А. Ильенкова является «Курсъ химической технологии» (Спб., 1851 г.), вышедшій 2-мъ изданіемъ, подъ редакціей и съ дополненіями Е. Н. Андреева, въ 1861 г., въ двухъ томахъ. За этотъ трудъ, работавшій надъ его дополненіемъ и чтобы поставить книгу въ уровень съ успѣхами техники за цѣлое десятилѣтіе, Евгений Ник. Андреевъ, быв. профессоръ и инспекторъ въ Технологическомъ институтѣ въ Петроградѣ, удостоенъ Демидовской преміи. Кромѣ названныхъ трудовъ П. А. Ильенкова отмѣчу: 5) «Объ извлеченіи сока свекловицы, посредствомъ машинъ центробѣжною силою». 1861 г. 6) «О химическомъ составѣ черноземныхъ почвъ». М. 1872 г. и др.

Въ 1878 году дошла вѣсть о кончинѣ П. А. Ильенкова. Скорбь о невозвратимой уtratѣ тяжело поразила всѣхъ, знавшихъ этого человека, который остатокъ своей жизни провелъ на турецкой (1876—1878 гг.), войнѣ, куда онъ отправился желая послужить отечеству въ качествѣ химика, при массовой заготовкѣ для нуждъ дѣйствующей арміи: фармацевтическихъ препаратовъ, взрывчатыхъ веществъ, консервовъ и др. Съ нимъ уѣхало нѣсколько бывшихъ его слушателей, стличныхъ химиковъ, напр., г. Виноградовъ и др.

Пав. Ант. Ильенковъ жилъ холостякомъ; при немъ находились двѣ сестры, которыя окружали своего благороднаго брата попеченіемъ и заботой, столь необходимыхъ для профессора-труженика, который, если не читалъ лекцій, то постоянно находился среди студентовъ, занимающихся—въ одномъ мѣстѣ количественнымъ, въ другомъ качественнымъ анализомъ, въ третьемъ—агрономическими анализами, такъ какъ П. А. читалъ намъ и курсъ агрономической химіи. Для профессора лабораторія составляла, какъ бы естественную атмосферу, которую не всегда выдерживали молодые слушатели, нокидая нерѣдко лабораторію много раньше, чѣмъ оставлялъ ее убѣленный сѣдинами профессоръ.

Пав. Ант. Ильенковъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ проф. Ник. Эрастовичемъ Лясковскимъ и бібліотекаремъ академіи Викт. Ник. Андреевымъ, братомъ упомянутаго выше Евг. Ник. Андреева. Съ первымъ связывали его ученія занятія за границей и общность специальности, во второмъ же, сравнительно молодомъ инженеръ-технологѣ, профессоръ П. А. Ильенковъ поспирялъ любовь къ химическому анализу, такъ какъ мы часто наблюдали нашего бібліотекаря въ лабораторіи, анализирующаго то почву, то какую-либо горную породу, и т. п. Викторъ Николаевичъ Андреевъ

въ тѣ времена помѣщать въ «Журналъ Государственныхъ Имуществъ» чрезвычайно интересныя обзорѣнія по технологіи с.-хозяйственныхъ и лѣсныхъ производствъ, а также по другимъ отраслямъ с.-хоз. промышленности.

Здѣсь я останавлиюсь на воспоминаніи о замѣчательно выдающемся *ораторъ и благороднѣйшемъ профессоръ* неорганической и органической химіи *Ник. Эр. Лясковскомъ*. Онъ, собственно принадлежалъ Императорскому Московскому университету, въ академію же пріѣзжалъ только на лекціи и экзамены. Онъ увлекательно читалъ химію, изящно обставляя опыты, остроумно объясняя неудачи ихъ, являющіяся иногда результатомъ неопытности лаборанта, или ассистента. Попасть на его лекцію было не легко: сотни слушателей, за часъ и болѣе до открытія аудиторіи, уже наводняли всѣ прилегающіе коридоры и лѣстницы, а мѣста въ аудиторіи (самой большой, которая служила также и актовъ залой) брались съ «боя». Несмотря на высокій престижъ въ наукѣ, преклонный возрастъ и массу обязанностей, которыя несъ Н. Э. Лясковскій въ Москвѣ, онъ былъ замѣчательно изящень, элегантенъ, подвиженъ, радіозенъ. Поэтъ и художникъ, онъ на экзаменахъ, слушая экзаменующагося, какъ бы автоматически рисовалъ чудныя головки на подобіе «грѣзовскихъ», или какіе-либо цвѣты, почти всегда точно воспроизводя какое-либо растение изъ мѣстной флоры, особенно же въ его рисункахъ, оставляемыхъ на столѣ послѣ экзаменовъ, мы узнавали какую-нибудь *Trollius europæus*, *Adonis vernalis* и т. п. Въ біографіи Н. Э. Лясковскаго, написанной сыномъ его Валеріемъ Николаевичемъ Лясковскимъ (землевладѣльцемъ Орловскаго у., Орловской губ.), приведено много стихотвореній, въ тонѣ народнаго эпоса, набросанныхъ Н. Э. Лясковскимъ. Прекрасно зная классическіе языки, онъ, въ минуты отдыха и въ часы недомоганія, читалъ оды Виргилія, рѣчи Цицерона, сочиненія Овидія Назона и др. Онъ скончался въ 1871 году въ возрастѣ 65 лѣтъ и, какъ мнѣ передавали, на смертномъ одрѣ, страдая астмой, читалъ Виргилія. Николай Эрстовичъ Лясковскій былъ сверстникомъ П. А. Ильенкова и одновременно съ послѣднимъ слушалъ въ Парижѣ Дюма и Араго, а въ Берлинѣ—Розе и обоихъ Митчерлиховъ; въ Гиссенѣ же работалъ въ лабораторіи Ю. Либиха. Здѣсь, вмѣстѣ съ Ильенковымъ, произвелъ изслѣдованіе лимбургскаго сыра, доказавшее присутствіе въ немъ кислотъ: масляной, валеріановой, каприльной и капроновой. Н. Э. Лясковскій своими работами по изслѣдованію протейновыхъ веществъ, былъ противникомъ теоріи Мюллера, голландскаго химика, профессора въ Утрехтскомъ универси-

тетъ. По ученію Мульдера всѣмъ бѣлковымъ веществамъ присуще одно основаніе, названное имъ—*протеиномъ*; такого основанія въ сущности нѣтъ. Polemica, вызванная статьями Н. Э. Ляковскаго, въ журналѣ «Annalen der Chemie und Pharmacie» за 1845—46 годъ, была причиною ряда химическихъ работъ, подтвердившихъ изслѣдованія Н. Э. Ляковскаго. Его докторская диссертация «De cholerae epidemia popnulis causis atmosphaericis» (М. 1849 г.), произвела въ свое время большой фуроръ въ медицинскомъ мірѣ.

Наряду съ названными профессорами нельзя не упомянуть профессора Богословія и настоятеля академической церкви протоіерея Якова Даниловича Головина. Предметъ, который онъ излагалъ былъ необязательнымъ для слушателей; однако, его лекціи настолько интересовали слушателей, что о. Головинъ никогда не могъ пожаловаться на недостатокъ въ слушателяхъ, между которыми черѣдки были иновѣрцы (католики, лютеране, а иногда и іудеи). Отличный богословъ, любившій естественныя науки, постоянно изучая ихъ, Яковъ Даниловичъ старался согласовать библейскія доктрины съ ученіемъ натуръ-философовъ, главнымъ представителемъ которыхъ признается Шеллингъ.

Сочиненіе Ч. Дарвина: *Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора* (вышедшее въ свѣтъ въ 1865 г. въ переводѣ проф. Рачинскаго) о. Яковъ Даниловичъ Головинъ разбиралъ на лекціяхъ и старался доказать своимъ слушателямъ, что изложенное въ основѣ ученія «измѣнчивость органическихъ формъ и происхожденіе новыхъ видовъ путемъ естественнаго подбора» не находится въ противорѣчій со Словомъ Божіимъ, и ни мало ни колеблеть того, что мы знаемъ изъ Библии о твореніи міра.

На лекціяхъ о. Я. Д. Головинъ съ большимъ талантомъ освѣщалъ смыслъ жизни въ типахъ философскихъ ученій и согласованіи ихъ съ результатами точныхъ наукъ; онъ всегда намъ доказывалъ, что философія, содера ученіе о первопричинѣ, не можетъ обойти вопроса о бытіи Бога, объ отношеніи Его къ міру и, въ частности, къ челоуѣку; онъ подробно излагалъ тѣ философскія ученія, которыя находились въ ближайшихъ соотношеніяхъ съ религиозными вѣрованіями и содѣйствовали укрѣпленію догматовъ этихъ вѣрованій, исключивъ при этомъ критическое отношеніе къ догматамъ, приводя къ полному совпаденію религиозной и философской истины. Особенно любилъ о. Я. О. Головинъ излагать своимъ слушателямъ тенденціи и ученія *Джона Локка*, англійскаго философа (родился въ 1632 г.), и политическаго дѣятеля, получившаго строго-религіозное воспитаніе. Въ

одномъ изъ своихъ сочиненій Локкъ представилъ идеаль истинной христіанской общины, не смущаемой никакими мірскими отношеніями и спорами объ исповѣдованіяхъ. За основу религіи Локкъ, какъ извѣстно, принималъ откровеніе, но ставилъ въ обязанность—терпимость ко всякому несогласному съ этимъ мнѣнію; онъ не выносилъ атеистовъ, потому, что твердо держался «Библіи» въ обширномъ ея значеніи, а Евангеліе признавалъ столь высокой книгой для морали, что изслѣдованіе ея недоступно человѣческому разуму, который и не долженъ заниматься этимъ. Добродѣтель, разсматриваемая, какъ обязанность, есть ничто иное, какъ воля Бога, найденная естественнымъ разумомъ; поэтому она должна имѣть силу закона; что же касается ея содержанія, то она сводится къ исключительному требованію—дѣлать добро себѣ и другимъ, тогда какъ всякій порокъ одинаково вредитъ себѣ и другимъ.

Въ качествѣ настоятеля академической церкви о. Я. Д. Головинъ много прилагалъ старанія къ благолѣпію ея, но ему не удалось организовать церковный хоръ. Въ храмѣ, между прочимъ, находилась книга «Апостолъ», въ которой имѣлось факсимиле Петра Великаго. Преданіе гласило, что «въ церкви Царевичъ Петръ нерѣдко присутствовалъ при богослуженіи, читалъ «Часы», «Апостолъ» и др.»

Изъ академическихъ профессоровъ, давно уже ушедшихъ въ вѣчность достойно вспомнить: *Виктора Егоровича фонъ-Граффа*. призваннаго читать лѣсоводство. Это былъ авторитетъ въ вопросѣ степного лѣсоразведенія, основатель Великоанадольскаго степного лѣсничества, въ Екатеринославской губерніи. Къ общему сожалѣнію онъ скончался, не прочитавъ и одного курса; его замѣнилъ *Николай Егоровичъ Поповъ*, который, однако, прочитавъ свой курсъ двумъ или тремъ «курсамъ» студентовъ,—скончался человѣкомъ молодымъ, оставивъ въ наслѣдіе прядущимъ поколѣніямъ лѣсоводовъ: 1) художественный переводъ соч. А. Россмеслера «Лѣсъ», значительно дополненный въ примѣненіи къ Россіи; особенно является цѣннымъ описаніе всѣхъ славянскихъ рѣкъ Россіи и портовъ. Хотя сочиненіе вышло въ свѣтъ въ 1866 году, но и теперь не утратило интереса и даже новизны. Этотъ трудъ—былъ совмѣстный Ник. Егор. Попова и корифея русскаго лѣсоводства *Федора Карловича Арнольда*, бывшаго третьимъ директоромъ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, и 2) «*Лѣсная технологія*». Руководство къ механической и химической обработкѣ дерева, изданная подъ редакціей Н. Зобова въ 1871 г. Да будетъ благословляема всѣми лѣсоводами память этого ученаго, человѣка «не отъ міра сего» такъ рано отнятаго отъ насъ смертію.

Въ лѣсной дачѣ Петровской Академіи, въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, только устроенной, много находилось полянъ и прогалинъ, которыя были искусственно облѣсены слушателями, подъ руководствомъ Н. Е. Попова. Такимъ образомъ онъ создалъ себѣ памятникъ въ видѣ этихъ насажденій, быть можетъ, и теперь еще стоящихъ на корню, такъ какъ дача устроена была при 80-лѣтнемъ оборотѣ рубки, а поляны и пр. насаждались дубомъ, ясенемъ, вязомъ, ильмомъ, сосной и елью.

Если память В. Е. фонъ-Граффа увѣковѣчена біографіей и некрологомъ, помѣщенными въ изданіи «Лѣсной отдѣлъ Московской Политехнической выставки 1872 г.» и въ «Лѣсномъ Журналѣ» 1892 г. выпускъ 6 и 1893, вып. 2, а въ Великоанадольскомъ лѣсничествѣ, съ Высочайшаго соизволенія воздвигнуть монументъ, то съ болью сердца приходится констатировать, что память Н. Е. Попова не почтили ни его современники-сослуживцы, ни его слушатели, изъ коихъ нѣкоторые, какъ напримѣръ г. Чижъ по окончаніи курса долго оставался ассистентомъ при кафедрѣ лѣсоводства и даже профессоромъ (кажется «Лѣсныхъ Законовъ»), а позднѣе завѣдывалъ подмосковнымъ лѣсничествомъ «Лосинный Островъ».

Если о заслугахъ людей судить не по количеству лѣтъ, но по количеству и продуктивности прожитаго ими времени, то Н. Е. Поповъ заслужилъ, чтобы въ лѣсной дачѣ б. Петровской Академіи былъ воздвигнутъ монументъ, подобно тому, какъ это достигнуто, по инициативѣ Петроградскаго Лѣснаго общества для проф. М. К. Турскаго, занявшаго кафедру лѣсоводства въ академіи, послѣ смерти Н. Е. Попова.

Къ давнимъ могиламъ относится и сокрывшія прахъ нашихъ профессоровъ: *Ильи Никитича Чернопятова, Алексѣя Петровича Захарова, Ильдефона Казиміровича Косова, и инженера-полковника Соколовскаго* (не помню имени и отчества). Первый изъ нихъ читалъ курсъ зоотехніи, включая шелководство, пчеловодство и шерстовѣдѣніе. *Илья Никитичъ Чернопятовъ* былъ выдающійся ученикъ и неутомимый труженикъ, оставившій по себѣ память въ видѣ нѣсколькихъ капитальныхъ руководствъ, не утратившихъ полнаго интереса и по настоящее время; напомнимъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) *Руководство къ сушкѣ и храненію хлѣба*— съ атласомъ рисунковъ (1867 г.); 2) *О шерсти овецъ въ хозяйственномъ и фабричномъ отношеніи* Спб. 1863 г.; 3) *Руководство по орошенію разныхъ земельныхъ угодій*, съ атласомъ чертежей и проектовъ. Спб. 1861 г.; 3) *Скотоводство въ ствер-*

нихъ и среднихъ губернійхъ Россіи и мѣры къ его улучшенію. М. 1872 г.; 4) *Историческій очеркъ развитія тонкоруннаго овцеводства въ Россіи и обзоръ нынѣшняго положенія его.* М. 1873 г.; 5) *Объ овечей шерсти* (магистерская диссертация), Спб. 1863 г.; 6) *Руководство къ торфяному хозяйству*, Спб. 1857 г.; 7) Въ капитальномъ трудѣ *Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяйствъ*, составленной профессорами: А. П. Людоговскимъ, П. А. Стебутомъ, И. Н. Чернопятовымъ и А. А. Фадѣевымъ—весь отдѣлъ зоотехніи, шерстовѣдѣнія, шелководства и др. принадлежать перу И. Н. Чернопятова.

На лекціяхъ И. Н. Чернопятовъ не поражалъ краснорѣчіемъ, читалъ всегда сидя, постоянно справляясь съ имѣвшимися подъ рукою замѣтками. Совсѣмъ инымъ являлся И. Н. на публичныхъ лекціяхъ, часто устраиваемыхъ во время выставокъ-ярмарокъ скотоводства при Московскомъ обществѣ Сельскаго Хозяйства; въ этой обстановкѣ лекторъ былъ неузнаваемъ: рѣчь его была плавная, увлекательная, полная захватывающаго интереса и всегда пріивѣтствовалась громкими рукоплесканіями, длившимися 10—15 минутъ. Кромѣ приведенныхъ трудовъ И. Н. Чернопятовъ помѣщалъ свои статьи: въ «Земл. Газетѣ», въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» (Министерства Государственныхъ Имуществъ), «Русское Сельское Хозяйство» (издаваемый Моск. Общ. Сел. Хозяйства) и др. И. Н. Чернопятовъ почти ежегодно совершалъ экскурсіи по Россіи съ 3—5 слушателями. Цѣль этихъ поѣздокъ—изученіе мѣстныхъ условій развитія различныхъ отраслей животноводства. Разказывали, что чуть ли не въ первую экскурсію, гдѣ-то въ Области Войска Донскаго, сельскія власти заподозрили въ экскурсантахъ опасныхъ людей и арестовали ихъ. Это происшествіе не ослабило любознательности профессора, но въ оправданіи себя отъ подобныхъ инцидентовъ онъ во время такихъ экскурсій облакался въ форменную фуражку и на шеѣ имѣлъ орденъ.

Когда скончался И. Н. Чернопятовъ, мнѣ неизвѣстно; послѣдняя моя встрѣча съ нимъ была въ 1872 году; въ это время онъ владѣлъ въ Москвѣ домомъ и говорилъ мнѣ, что намѣревается купить профессору. Некролога его и біографіи нигдѣ не встрѣчалъ.

Алексѣй Петровичъ Захаровъ—профессоръ геодезіи, былъ любимъ слушателями, но спеціальностью своей слабо заинтересовывалъ ихъ. Хорошими геодезистами выходили тѣ изъ насъ, которые еще до поступленія въ академію уже изучали разныя отрасли геодезіи, таковы: бывшіе воспитанники (и межевые инженеры) Конст. Меж.

Института, школы военныхъ топографовъ и т. п. Такъ какъ практическія занятія совершались партіями, то руководителями ихъ, въ большинствѣ, были такого рода специалисты. Повидимому А. П. Захаровъ не оставилъ послѣ себя значительныхъ литературныхъ работъ, но напечаталъ не мало статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ высшей и низшей геодезіи. Послѣдній разъ я встрѣтилъ А. П. Захарова на IX съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ 1889 году. Одно время А. П. Захаровъ былъ директоромъ Академіи.

Профессоръ, полковникъ Соколовскій былъ главнымъ строителемъ Петровской Академіи, а затѣмъ—профессоромъ строительнаго и инженернаго искусства. Лекторъ былъ превосходный; одолѣть программу его курса было очень трудно, но, благодаря умѣнію заинтересовать слушателей предметомъ, мы покидали Академію съ значительной подготовкою въ строительствѣ, особенно сельскохозяйственныхъ построекъ и... мостовъ. Нашъ, всегда живой, жизнерадостный профессоръ особенно специализировался на мостахъ и, какъ говорили, до принятія кафедры въ Петровской Академіи, участвовалъ въ постройкѣ многихъ желѣзнодорожныхъ и монументальныхъ мостовъ. Естественно было профессору желать, чтобы и мы знали, какъ строить мосты, въ родѣ Николаевского въ Петроградѣ, Кіевскихъ—желѣзнодорожнаго и почтового, черезъ р. Днѣпръ и т. п.

Профессоръ Ильдефонсъ Казимировичъ Косовъ излагалъ курсъ сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ техническихъ производствъ. Онъ имѣлъ какія то сложныя занятія въ Москвѣ и мы его встрѣчали только на лекціяхъ и изрѣдка на экзаменахъ; но немногіе изъ слушателей, которые сосредоточились на изученіи такихъ производствъ, какъ свеклосахарное, винокуренное и шивоваренное, совершали съ профессоромъ поѣздки на лучшіе заводы. И. К. Косовъ отличался замѣчательной снисходительностью и желаніемъ на экзаменахъ выручить изъ затрудненія «сбившагося» слушателя. Обычной фразой, очень часто имъ употребляемой, «немного больше, немного меньше», доводилъ экзаменующаго до «удовлетворительной» отмѣтки, такъ какъ на экзаменахъ судьба экзаменующаго опредѣлялась не баллами, но «удовлетворительной или неудовлетворительной» отмѣткою.

Еще довольно свѣжа могла профессора лѣсной таксаціи и лѣсоустройства *Василія Тарасовича Собичевского*, скончавшагося въ Петроградѣ, въ 1912 году. Это былъ самый молодой профессоръ, которому едва исполнилось 28—29 лѣтъ, когда онъ занялъ кафедру ординарнаго профессора: живой, энергичный, трудолюбивый, жизне-

радостный, любящій лѣсъ и природу, онъ привлекалъ къ себѣ молодежь и, на работахъ въ лѣсу, какъ бы сливался съ ней. Кандидатъ математическихъ наукъ университета Св. Владиміра, окончившій курсъ Лѣсной Академіи въ Петроградѣ, съ чиномъ поручика В. Т. Собичевскій, какъ математикъ обосновалъ и оной курсъ на очень сложныхъ математическихъ формулахъ, что для слушателей преимущественно естественникамъ, было неудобноусвояемо. Впрочемъ это былъ такой періодъ въ развитіи лѣсныхъ знаній, когда математическій анализъ господствовалъ, имѣя главнымъ руководителемъ тарандскаго профессора Пресслера, изобрѣтателя приростнаго буrowsа и множества формулъ для лѣсной таксаціи и лѣсоустройства (тарандскіе студенты называли его «Корофдомъ-математикомъ» («Bostrichus mathematicus»). Василій Тарасовичъ Собичевскій былъ слушателемъ Пресслера и усвоилъ его методъ изложенія, но далеко опередилъ Пресслера и другихъ лѣсоводовъ-математиковъ. Василій Тарасовичъ не оставилъ послѣ себя томовъ и фолиантовъ; но написалъ огромное число статей, изслѣдованій, докладовъ и т. п., движушихъ лѣсную науку. Я проводилъ моего дорогого учителя въ мѣсто его вѣчнаго покоя (на Волково кладбище, въ Петроградѣ), а въ «Лѣсномъ Журналѣ» за 1913 г. помѣстилъ его біографію съ обзоромъ трудовъ, имѣвшихъ особое вліяніе на развитіе лѣсной науки въ отечествѣ и популяризацію лѣсныхъ знаній, безъ которыхъ немислимо правильное пользование лѣсомъ.

Вспоминая о научныхъ силахъ, которыми пользовалась Академія для сообщенія слушателямъ солидныхъ знаній въ области естествознанія не могу, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія не сказать нѣсколько словъ о профессорѣ *Николаѣ Николаевичѣ Кауфманѣ*, читавшемъ намъ морфологію и систематику растений; онъ принадлежалъ Московскому Университету, но удѣлялъ много времени Академіи, привлекая для практическихъ занятій слушателей, въ Москву, въ Ботаническій садъ Императорскаго Московскаго Университета. Ко времени открытія Академіи Н. Н. Кауфманъ уже пользовался большой извѣстностью, благодаря изученію мало извѣстной тогда Московской флоры. Результатомъ почти 10-лѣтняго труда въ этой области было капитальное сочиненіе «*Московская флора*», вышедшая въ 1889 году вторымъ изданіемъ. Кромѣ громаднаго научнаго значенія книги, главная цѣнность ея состояла въ томъ, что она стала доступнымъ руководствомъ для ознакомленія съ флорой московскаго района и сопредѣльныхъ мѣстностей. Достаточно владѣть довольно элементарными знаніями, чтобы, пользуясь «*Московской фло-*

рой», опредѣлить почти каждое растение средней Россіи. Замѣчательно цѣннымъ отдѣломъ книги является «ботанико-географическое» изслѣдованіе Московской флоры, вызвавшее много работъ въ этой области ботанической науки, пополнившихъ, къ великой радости Н. Н. Кауфмана, его «Московскую флору», которая стала первой книгою для начинающихъ изучать ботанику, а благодаря простотѣ изложенія возбудила интересъ къ изученію ботаники, чѣмъ опредѣляется важная заслуга профессора Н. Н. Кауфмана передъ учебными заведеніями, въ которыхъ онъ преподавалъ ботанику, и передъ русскимъ обществомъ.

Кромѣ «Московской Флоры» Н. Н. Кауфманъ напечаталъ слѣдующія сочиненія высокаго научнаго значенія: 1) «Zur Entwicklungsgeschichte der Cacten-Stacheln» въ Bull. de la Soc. Imp. d. natur de Moscou 1859; 2) «Über die Natur der Stacheln (тамъ же 1859); 3) «Отношеніе листа къ стеблю» (диссертация — 1862 г.) 4) Объ анатомическихъ свойствахъ волоконъ ласточки и достоинствъ ихъ въ прядильномъ искусствѣ (Журналъ Имп. Моск. Общ. С. Хозяйства 1865 г.); 5) «Beitrag zur Kenntniss von Pistia texensis Klotsch» (въ Mem de l'Acad. desc. de St. Pétersb. VII ser. т. XI 1867; 6) «О восходящихъ осяхъ нѣкоторыхъ рясокъ» («Труды 1-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей»); 7) Über die männliche Blüthe von Casuarina quadrivalvis (въ Bull. de la soc. Imp. de math de Moscou 1865); 8) «Über die Bildung des Wichels bei die Asperifolien» въ Mem. de la Soc. Imp. des natur. de Moscou) и 4) «О растеніи Сумбуль» (Протоколъ Имп. Общ. Люб. естествозн. антр. и этнографіи» 1870 г.

Излагалъ Н. Н. Кауфманъ монотонно, медленно, но такъ захватывалъ вниманіе слушателей, что мы не замѣчали, какъ проходили часы, назначенные для лекціи. Прекрасно рисуя, онъ свои лекціи дополнялъ рисунками мѣломъ на доскѣ. Скончался Н. Н. Кауфманъ въ 1871 г. еще человѣкомъ полнымъ силъ (46 лѣтъ), но вѣроятно надорванныхъ учеными трудами, чѣмъ и объяснялась вялость изложенія.

Не мало изъ учениковъ Н. Н. Кауфмана стали знаменитыми профессорами, преподавателями и учеными. Наконецъ, профессора: *Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ* (проф. физики и метеорологіи), *Иванъ Богдановичъ Ауэрбахъ*—минералогіи, геологіи, петрографіи и геогнозіи (скончался въ 1868 году); его замѣнилъ Траутшольдъ (лекторъ нѣмецкаго языка въ Московскомъ Университетѣ) и *Яковъ А. Борзенковъ*.

Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ едва ли имѣлъ 25—26 лѣтъ отъ роду, когда занялъ кафедру ординарнаго профессора; это былъ человѣкъ замкнутый, не общительный; о немъ говорили, какъ объ отшельникѣ. Кажется онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ научныхъ работъ, хотя быть можетъ онѣ лишь мнѣ не извѣстны, но имѣются. Когда онъ скончался, мнѣ тоже не извѣстно, однако, говорили, что еще далеко человѣкомъ не старымъ. Экзаменовалъ строго и въ этомъ отношеніи—былъ неумолимъ.

И. Б. Ауэрбахъ—былъ любимымъ профессоромъ, котораго слушали и усердно упражнялись въ кабинетѣ при опредѣленіи минераловъ и горныхъ породъ. Иванъ Богдановичъ Ауэрбахъ едва успѣлъ прочесть одинъ курсъ, какъ скончался, оставивъ послѣ себя не мало сочиненій по изученію Урала и Финляндіи, въ отношеніи минеральныхъ богатствъ, въ Каспійской степи въ 1854 г. изучилъ гору Богдо, по отношенію мѣстоахожденія сѣры и др. ископаемыхъ. По возвращеніи основательно обработалъ собранный матеріалъ о геологическихъ особенностяхъ горы Богдо. Эта самая крупная работа И. Б. Ауэрбаха не исполнѣ окончена. Изъ другихъ сочиненій отмѣтимъ *Notiz über einige Pflanzen—Versteinerungen aus einem Landsteine des Moskow. Gouvernements 1844; über die Kohlen von Central Russland 1860 г.* Кромѣ того И. Б. Ауэрбахъ много писалъ о московской Юрѣ, о клинскомъ песчаникѣ, о хотьковскомъ мѣлѣ, о тульскомъ каменномъ углѣ и т. п.

И. Б. Ауэрбаха замѣнилъ *Германъ Адольфовичъ Траутшольдъ*, докторъ геологій, но официально занималъ должность лектора нѣмецкаго языка, въ Московскомъ Университетѣ. Онъ написалъ свыше 100 работъ, относящихся къ геологій и палеонтологій Россіи; но особую заслугу его составляло изученіе юрскихъ и мѣловыхъ отложеній Московской губ. и Поволжья, и о различныхъ геологическихъ образованіяхъ въ Россіи. Въ послѣдней области онъ долго слылъ единственнымъ знатокомъ. Писалъ и говорилъ исключительно по-нѣмецки. Только по-русски издалъ «Геолог. карту и описаніе Московской губерніи 1868—72 г.». Приглашенный въ 1878 году въ Петровскую академію, онъ вынужденъ былъ читать по-русски, что его очень затрудняло. На этой кафедрѣ онъ оставался 25 лѣтъ и, будучи берлинскимъ уроженцемъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія возвратился въ свой фатерляндъ. Вслѣдствіе незнанія русскаго языка, читалъ лекціи отвратительно, часто возбуждая смѣхъ небольшого числа слушателей; на экзаменахъ очень снисходительно относился къ нѣмцамъ и тѣмъ, кто имѣлъ терпѣніе посѣщать его

лекціи. Изучали его предметъ по скуднымъ въ то время руководствамъ.

Необыкновенно симпатиченъ всѣмъ намъ былъ незабвенный *Яковъ Андреевичъ Борзенковъ*, принадлежавшій Московскому университету, въ которомъ читалъ для медиковъ зоологію и сравнительную анатомію; эти же науки онъ излагалъ и слушателямъ Петровской Академіи. Впослѣдствіи читалъ сравнительную анатомію для студентовъ физико-математическаго факультета. Въ Академіи Я. А. Борзенковъ читалъ съ 1867 по 1870 г., а, затѣмъ, оставилъ ее вслѣдствіе командировки университетомъ за границу, гдѣ провель 1871, 1874 и 1878 годы. Въ 1869 году защитилъ магистерскую диссертацию—«Изъ исторіи развитія яйца и яичника у курицы», а въ 1870 г.—докторскую диссертацию—«Образованіе яичника у курицы и развитіе его въ первое время существованія». Я. А. Борзенковъ окончилъ курсъ сперва въ Ришельевскомъ лицей, а затѣмъ получилъ степень кандидата естественныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ (въ 1855 г.), сохраняя потомъ постоянную связь съ этимъ заведеніемъ, которое въ 1862 году командировало его на 2 года за границу, главнымъ образомъ, въ Вюрцбургъ. Въ запискахъ Вюрцбургскаго зоологическаго общества Я. А. Борзенковъ напечаталъ первую свою работу «О развитіи яичника у кошки». Очень цѣннымъ для учащихся того времени были «Чтенія Я. А. Б—кова по сравнительной анатоміи», какъ оттискъ изъ «Ученыхъ записокъ Императорскаго Московскаго университета», отдѣлъ естественно-историческій, вып. 4, Москва, 1884 г.

Пишущій эти строки, вмѣстѣ съ слушателемъ Владимірскимъ, издавали «Записки по зоологіи», составленныя по лекціямъ Я. А. Борзенкова. Это заставляло меня часто посѣщать профессора въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ холостякомъ. Приходилось иногда оставаться у него по цѣлому и болѣе часу, пока, совмѣстно, не будутъ просмотрѣны всѣ страницы очередного листа, предназначеннаго къ литографіи. Профессоръ былъ всегда любезенъ, гостепріименъ и никогда не заставлялъ приходиться вторично, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда были сдѣланы указанія для исправленія. «Исправьте, перепишите и затѣмъ литографируйте, а чтобы не встрѣтилось затрудненій при печатаніи, я подпишу разрѣшеніе на исправленномъ листѣ»,—такъ закакачивалось дѣловое свиданіе съ профессоромъ, который входилъ въ самые мелочные интересы своихъ слушателей.

Въ бытность мою на службѣ въ Одессѣ, дошла до меня вѣсть о кончинѣ Я. А. Борзенкова, въ Москвѣ, 25-го декабря 1883 года,

въ возрастѣ 53—54 лѣтъ. Въ этомъ городѣ Я. А. Борзенковъ получилъ предшествовавшее университетскому образованіе и хотя оставилъ Одессу 32 года тому назадъ, однако, здѣсь уже въ Новороссійскомъ университетѣ, возникшемъ съ закрытіемъ Ринельевскаго лицея, помнили этого сердечнаго человѣка нѣкоторые изъ его товарищей, ставшіе профессорами.

Сравнительно недавно скончался въ Москвѣ б. профессоръ политической экономіи, Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ, занимавшій кафедру съ 1866 по 1871 г. Въ академіи онъ извѣстенъ былъ, какъ переводчикъ сочиненія Вильгельма Рошера «О народномъ хозяйствѣ, представлявшемъ курсъ политической экономіи, въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и его отраслямъ».

Митр. Павл. Щепкинъ читалъ свой курсъ увлекательно и аудитория его была всегда полна слушателей; но выдержать у него экзаменъ было весьма не легко тѣмъ, кто недостаточно углублялся въ пониманіе теоріи многихъ вопросовъ политической экономіи. Оставивъ Академію, М. П. посвятилъ свои способности Московскому Городскому Управленію, въ которомъ принималъ участіе болѣе 30 лѣтъ, всегда являясь горячимъ защитникомъ интересовъ городского хозяйства и самоуправленія. Последнему посвящена большая часть его печатныхъ трудовъ. Оставивъ Московскую Думу передъ введеніемъ городского положенія 1892 г., онъ затѣмъ проявлялъ свою дѣятельность, до самой смерти, въ качествѣ гласнаго Московскаго Губ. Земства.

Въ 1859 г. М. П. Щепкинъ былъ официальнымъ помощн. редактора «Московскихъ Вѣдомостей», а послѣ ухода В. Корша, редактировалъ эту газету, до перехода ея въ руки Каткова. Еще въ бытность профессоромъ Академіи, въ 1870 г., основалъ газету «Русская Лѣтопись», а затѣмъ по его инициативѣ, съ 1895 г., издавалась Солдатенковымъ, въ Москвѣ, «Библиотека экономистовъ».

Статьи по вопросамъ статистики и полит. экономіи М. П. Щепкинъ помещалъ: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1856 г.), «Атеяѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Лѣтописи», «Земствѣ», «Руси» и др. Въ 70-хъ годахъ писалъ подъ псевдонимомъ «Эмъ-Пэ». Особенно дѣятельное участіе принималъ М. П. Щ. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Капитальный его трудъ «Общественное хозяйство г. Москвы» (4 тома, 1888—1901 г.г.), законченъ лишь въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка. Выдающимися его работами были: «Сословное хозяйство Московскаго

художества» (1872 г.), «О городскихъ налогахъ въ Москвѣ» (1873 г.), «Опытъ изученія обществ. хозяйства и управленія городомъ» (2 тома: 1882 и 1884 г.г.), «Наши акціон. порядки» (Москва, 1887 г.), «На каждый мѣсяць» — «объясненія праздникова и краткія свѣдѣнія изъ жизни святыхъ» (1883—84 г.г.). М. В. Щепкинъ состоялъ 2 года редакторомъ «Извѣстій по городскому управленію».

Какъ въ Петровской Академіи, такъ и вездѣ, гдѣ жилъ и работалъ М. П. Щепкинъ, онъ заслужилъ глубокое уваженіе своей корректностью, трудолюбіемъ, всегдашней искренностью, правдивостью и отзывчивостью; многочисленные же труды его составляютъ богатое наследіе для будущихъ экономистовъ и особенно въ приложеніи экономическихъ принциповъ къ практической жизни.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о профессорахъ, остается сказать о нынѣ здравствующемъ профессорѣ «Сельскаго Хозяйства», *Иванъ Александровичъ Стебутъ*. 21 ноября 1904 года Россія торжественно праздновала 50-лѣтній юбилей ученой, педагогической, государственной и общественной дѣятельности И. А. Стебута, осчастливленнаго даннымъ на имя его Высочайшимъ рескриптомъ. Юбилейное чествованіе происходило въ Петроградѣ, въ залѣ Сельско-хозяйственнаго музея, въ присутствіи Министра Земледѣлія Аммоса Сергѣевича Ермолова и высшихъ представителей Министерствъ, управленій и т. п. Напомню, что юбиляру поднесено было свыше 80 адресовъ, прислано болѣе 230 телеграммъ отъ частныхъ лицъ, отъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и обществъ, губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, отъ періодическихъ сельско-хозяйственныхъ изданій, опытныхъ учреждений и т. д. Въ этомъ торжествѣ приняла участіе вся сельско-хозяйственная Россія, представителями которой являлось свыше 500 учениковъ Ив. Александровича, поднесшихъ ему весьма прочувствованный адресъ и сборникъ статей, составленный въ память этого торжества.

Я не буду останавливаться ни на описаніи самаго юбилейнаго торжества, ни на приведеніи ученыхъ трудовъ Ив. Александровича, въ теченіе 50 лѣтъ трудившагося надъ созданіемъ русской экономической науки, такъ какъ мною помѣщена этому юбилею статья въ журналѣ «С. Хоз. и Лѣсоводство» (декабрь 1904 г.), но не могу не отмѣтить здѣсь основнаго взгляда Ив. Алекс. Стебута, съ которымъ онъ всегда знакомилъ своихъ слушателей — а именно, *основательность изученія*, и доказывалъ имъ, что полузнаніе вреднѣе невѣдѣнія: «Лучше знать меньше, но знать основательно»; основа-

тѣльнаго же изученія сельскаго хозяйства, по книгамъ и лекціямъ, достигнуть невозможно; оно достигается только при непосредственномъ наблюденіи самаго процесса хозяйства, наблюдаемаго учащимся непосредственно. Это наблюденіе должно продолжаться въ хозяйствѣ изо-дня-въ-день. Такой же характеръ должно носить и изученіе основныхъ наукъ: можно, напр., ботанику изучить по книгѣ наизусть, но чтобы знать ее, необходимы: собираніе, опредѣленіе растеній, работать надъ ними въ лабораторіяхъ, экспериментировать и т. д. Этотъ взглядъ И. А. постоянно проводилъ, будучи профессоромъ въ Горигорецкомъ Земл. Институтѣ, затѣмъ въ С.-Петербургскомъ Земледѣльческомъ Институтѣ и, наконецъ, въ Петровской Земл. и Лѣсной Академіи, въ которой полевое хозяйство, опытное поле, лабораторія при кафедрѣ растеніеводства, коллекціи въ кабинетахъ этой и близкихъ къ ней наукъ, были строго приспособлены для практическихъ занятій учащихся, и только благодаря этому направленію въ преподаваніи главнѣйшаго академическаго предмета, оставлявшіе заведеніе слушатели могли безбоязненно браться за самостоятельное управленіе хозяйствами, нерѣдко очень крупными и сложными. Эти ученики, вѣрные отмѣченному взгляду И. А., сдѣлали много полезнаго для тѣхъ районовъ, въ которыхъ работали.

Василій Гомилевскій, слушатель Акад. 1866—70 г.г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕТРОВСКОЕ РАЗУМОВСКОЕ

АКАДЕМИЯ

ВЪ МОСКВѢ

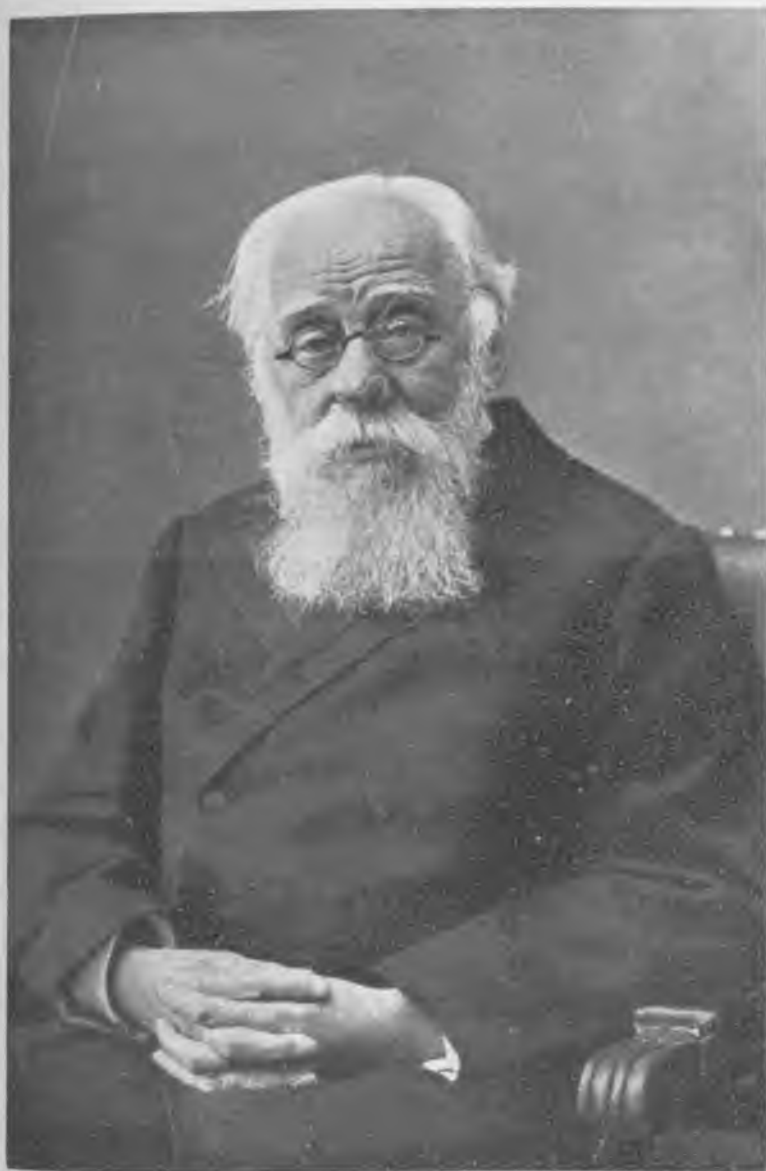
Первый Директоръ Петровской Академіи
Проф. Николай Ивановичъ Желѣзновъ.

Третій Директоръ Петровской Академіи
Проф. Федоръ Карловичъ Арнольдъ.

Проф. Иванъ Александровичъ Стебуть.
(Въ восьмидесятихъ годахъ).

Проф. Иванъ Александровичъ Стебуть.
Снимокъ 1912 года.

Проф. Митрофанъ Кузьмичъ Турскій.
Снимокъ 1882 г.

Проф. Василій Тарасовичъ
Собичевскій.

Проф. Б. Ф. Чижъ.

Проф. Иванъ Ивановичъ Иванюковъ.
Снимокъ 1881 г.

Проф. К. Э. Линдеманъ.
Снимокъ 1881 г.

Проф. Ильдефонсъ Казиміровичъ Косовъ. Проф. Павелъ Антоновичъ Ильенковъ.

Памятник Проф. Митрофану Кузьмичу Турскому, открытый 1912 года.

Памятникъ Проф. М. К. Турскому.
Проф. Н. С. Нестеровъ произноситъ рѣчь.

V. Воспоминанія о бывшей Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи.

II.

Слушатели Петровской Академіи.

Ихъ составъ, самогруппировка, бытъ, нравы. Крупное событіе въ жизни Академіи: Нечаевская исторія, убійство слушателя Иванова. О преобразованіяхъ Академіи и переменѣна ея первоначальнаго титула.

Съ перваго года юридическаго существованія Академіи, т. е. съ 21-го ноября 1865 г. и до начала нормальнаго курса, т. е. осенью 1866 г., молодежь съ каждымъ днемъ прибывала или слѣшила записываться въ число слушателей присылкою прошеній и требуемыхъ документовъ. Особенно большой притокъ молодежи былъ лѣтомъ 1866 года и тутъ уже стала опредѣляться группировка въ кружки и партіи, причемъ рѣзко выдѣлялись молодые люди «безпартійные», не принадлежащіе къ кружку, держащіе себя особнякомъ.

Группировка, прежде всего, выражалась въ землячествѣ, по губерніямъ, чаще по тѣмъ учебнымъ заведеніямъ губерніи и даже губернскаго города, въ которомъ находились учебныя заведенія, гдѣ учились сгруппировавшіеся молодые люди; къ нимъ старались примкнуть и тѣ, которые не доучились и даже вовсе не учились, но явились изъ того же города.

Весьма характерна была группировка по національности: самую крупную группу составляли поляки изъ сѣверо и юго-западныхъ губерній; вожаками партіи были люди съ титулами и извѣстными вельможными фамиліями богатыхъ помѣщиковъ, выросшихъ при службѣ крѣпостныхъ; но въ этой партіи находились и весьма авторитетные, бытъ можетъ, даже и не шляхетные, однако, весьма симпатичные для партіи слушатели. Такъ, одинъ изъ послѣднихъ, испытанный не мало жизненныхъ толчковъ, побывавшій въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и службахъ для добыванія средствъ, не исключая и роли чернорабочаго въ аптекарской лабораторіи, гдѣ онъ вступилъ

годъ наполнялъ банки разными мазями, давно перешагнувшій за тридцать лѣтъ, обладалъ комизмомъ и весьма недюжинными способностями. Въ партіи, къ которой онъ примкнулъ, его цѣнили, какъ опытнаго совѣтчика, при томъ съ комизмомъ подающаго совѣты и указанія. Былъ это человѣкъ безъ средствъ, стипендіей не пользовался и въ Академіи существовалъ, повидимому, на пособія отъ своей партіи. Экзамены держалъ онъ довольно успѣшно и когда получалъ не удовлетворительную отмѣтку, то относился къ этому весьма равнодушно и являлся вновь на экзаменъ черезъ мѣсяць или полтора и выдерживалъ; онъ кончилъ курсъ кандидатомъ лѣсоводства, но прожилъ не долго и умеръ отъ туберкулеза гдѣ-то на таксаціонныхъ работахъ.

Не менѣе оригинальна была партія Кавказскихъ инородцевъ, въ своихъ бѣлыхъ, сѣрыхъ и красныхъ бѣшметахъ, вооруженныя кинжалами, ятаганами съ гнѣздами для патроновъ къ пистолетамъ и т. п.; они владѣли плохо русскимъ языкомъ, на лекціяхъ почти не бывали, хотя считались стипендіатами своихъ областей; между ними были люди со средствами и не отказывали себѣ въ своихъ привычкахъ. Впрочемъ, не прошло и двухъ лѣтъ, какъ всѣ эти горцы въ бешметахъ исчезли, вѣроятно, поступили на военную службу; одного изъ нихъ, съ которымъ былъ нѣсколько знакомъ, я встрѣтилъ въ 1867 году въ Петроградѣ, служащимъ въ Конвоѣ Его Величества.

Небольшая группа такъ называемыхъ «поповичей», т. е. лицъ съ законченнымъ или незаконченнымъ семинарскимъ образованіемъ держалась отдѣльно, имѣя своимъ вожакомъ Бл. . . . .го, человѣка, уже давно окончившаго курсъ семинаріи и нѣсколько лѣтъ до поступленія въ Петровскую Академію, чуть ли не управлявшаго какимъ-то недвижимымъ имуществомъ, гдѣ онъ скопилъ денегъ и рассчитывалъ съ ними восполнить свое образованіе. Однако, увлекшись ролью представителя своей партіи, онъ, упражняясь въ ораторствѣ, прожигалъ жпзнъ, часто устраивалъ попойки и вскорѣ скончался.

Евреевъ въ Академіи было немного; едва-ли число ихъ доходило до 10—12-ти, но тѣ, съ которыми мнѣ случилось познакомиться, были работники и усердно посѣщали аудиторію. Одинъ изъ нихъ С—нъ, изъ Вильны, человѣкъ семейный, вполне интеллигентный, вступилъ въ Академію съ цѣлью изучить химію и сельскохозяйственную технологію, особенно же сахарное производство. Съ необыкновеннымъ интересомъ онъ слушалъ курсъ общей химіи, а затѣмъ почти непрерывно работалъ въ лабораторіи, подъ руководствомъ проф. Пильенкова, изучая сперва качественный, а потомъ количественный

анализы. Профессора же сельскохозяйственной и лѣсной технологій, И. К. Коссова, С—нъ постоянно обезпачивалъ справками о литературѣ по интересующему его производству, собиралъ свѣдѣнія о лучшихъ русскихъ и германскихъ сахарныхъ заводахъ и выдерживалъ экзамены изъ предметовъ, имѣющихъ для него значеніе, а въ томъ числѣ главнѣйшій—сельско-хозяйственную технологию, отправился практикантомъ на крупнѣйшій сахарно-рафинадный заводъ въ Берлинѣ, гдѣ за свою практику уплачивалъ въ мѣсяць по 200 талеровъ и, получивъ отъ завода соотвѣтствующій дипломъ, возвратился въ Россію. Въ 1874 году я встрѣтилъ С—на въ Петроградѣ, причѣмъ узналъ, что онъ занимаетъ должность директора одного изъ весьма значительныхъ сахарныхъ заводовъ въ Кіевской губерніи и получаетъ 10 тысячъ рублей жалованья въ годъ. Пріятно было узнать, что одинъ изъ моихъ сверстниковъ, неимѣющій свидѣтельства гимназіи объ окончаніи курса, слѣдовательно неимѣющій права на получение диплома отъ Академіи, явился крупнымъ дѣятелемъ въ производствѣ, благодаря той же Академіи. Такихъ примѣровъ, впоследствии, при моемъ странствованіи по Россіи, приходилось встрѣчать не мало: слушатели, не приобрѣвшіе степени кандидата, посвятившіе себя специальностямъ, которыя составляли и специальность Петровской Академіи, своими познаніями, приобретенными въ Академіи, приносили (а нѣкоторые и теперь приносятъ) не малую пользу сельскому и лѣсному хозяйствамъ; слѣдовательно, по числу кандидатовъ, окончившихъ курсъ въ 1870 и въ 1871 г., нельзя судить о полезной дѣятельности заведенія, имѣвшаго своеобразный, оригинальный характеръ открытаго учебнаго заведенія, главная цѣль котораго распространеніе свѣдѣній по сельскому хозяйству и лѣсоводству (ст. 1-я Устава 27 октября 1865 г.), хотя она, какъ высшее учебное заведеніе, и пользовалась правомъ выдавать дипломъ на ученые степени кандидата и магистра сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

Пишущій эти строки сдалъ всѣ экзамены поздней осенью 1869 г. только разсмотрѣніе диссертациі и нѣкоторая формальность при полученіи диплома задержали его до ноября 1870 года; къ этому времени по сельскому хозяйству, со степенью кандидата, окончили только 3 чел. Кандидатовъ же лѣсоводства тоже 2—3 человека, хотя въ 1871 году зарегистрировано ихъ 13, но изъ этихъ 8—9 получили дипломы въ концѣ первой и во второй половинѣ 1871 года.

Къ этому же времени выдержанныхъ экзаменовъ изъ разныхъ предметовъ (всѣхъ 26), по оффиціальнымъ даннымъ, было 1739. Если изъ этого числа исключить число экзаменовъ, на долю 16-ти

кандидатовъ с.-хоз. и лѣсоводства (26×16) = 416, то остальные 1323 (приблизительно, конечно) могутъ относиться къ тѣмъ слушателямъ, которые разсѣялись по лону русской земли, исполняя главную задачу своего заведенія, т. е. распространяя знанія разными путями, а именно: нѣкоторые изъ нихъ вели хозяйство въ своихъ имѣніяхъ (такихъ зарегистрировано было къ 1872 г. около 60), другіе управляли имѣніями (такихъ зарегистрировано къ тому же времени около 50); не мало и такихъ лицъ, которыя устроились на службѣ въ разныхъ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ сельскому и лѣсному хозяйствамъ.

Отмѣчая эту черту учебнаго заведенія, не думаю, чтобы реформа Академіи, которую она пережила въ 1872 г., принесла дѣлу особую пользу. Академія въ этомъ году была реформирована по образцу Университетовъ и другихъ высшихъ заведеній, съ введеніемъ строго разграниченныхъ курсовъ и введеніемъ званія дѣйствительнаго студента сельскаго хозяйства или лѣсовода. Званіе это дало возможность полужаніемъ и людямъ, неспособнымъ къ воспріятію наукъ, приобрѣтать права высшаго учебнаго заведенія; а затѣмъ ловкостью и умѣньемъ завязывать связи въ жизни практической, опережать своихъ коллегъ, которые въ заведеніи трудились, съ цѣлью—вынести возможно большій запасъ знаній. Но обращаемся опять къ группировкѣ молодежи, съ которой я началъ эту часть воспоминаній.

Молодые люди, державшіеся единично, особнякомъ, были весьма разношерстные; между ними были обращающіе на себя вниманіе своею сосредоточенностью, связанною съ особыми ихъ жизненными задачами, но на ряду съ ними были юноши, лишенные нравственной опоры, легко подававшіеся вліянію другихъ и представлявшіе собою отличный контингентъ для вербовки членовъ партіи, недовольныхъ существующимъ порядкомъ, печальниковъ. Тема была самая популярная и для молодежи шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія—увлекательная. Всѣ бредили на эту тему, одни показно, другіе искренно и убѣжденно, третьи напускали на себя печаль о народныхъ скорбяхъ, возвышенно и патетически о ней кричали... ступешиваясь мнгомъ, коль скоро мелькнетъ гдѣ-то полицейскій чинъ или жандармскій офицеръ; но были и такіе юнцы, большею частью, недоучки (ихъ было очень много въ Петровской Академіи, въ первые годы ея существованія), которымъ всѣми силами желалось стать похожими на студентовъ, въ положеніе которыхъ они

не могли попасть, не смѣя и мечтать о томъ, чтобы перешагнуть успѣшно черезъ рубиконъ, которымъ являлось гимназическое свидѣтельство объ окончаніи курса, т. е. нынѣшній аттестатъ зрѣлости. Этими юнгами субъектами, по-преимуществу, пользовались политическіе дѣятели въ нашемъ заведеніи, которые загубили жизнь не одного изъ увлеченныхъ ими. Какъ развивалась работа этихъ дѣятелей и къ какой катастрофѣ она привела... будетъ сказано нѣсколько позднѣе.

Теперь же скажу о группѣ людей, для которыхъ пребываніе въ Академіи было сплошнымъ праздникомъ: оргіи, лѣсны, пляска, попойка, или все то же, но въ обратномъ порядкѣ, прерывалось только сномъ и изрѣдка поясненіемъ въ аудиторіяхъ, на опытномъ полѣ и т. п. Особенно въ этой партіи выдѣлялся Ф-овъ, штабсъ-капитанъ, участвовалъ въ бояхъ при усмиреніи польскихъ повстанцевъ, землевладелецъ и, какъ человѣкъ обезпеченный, не нуждался и въ особомъ обогащеніи себя знаніями. Возлѣ него группировался кружокъ, часто собиравшійся тамъ, гдѣ жилъ этотъ слушатель, и если это была дача, въ которой ютились и слушатели, ведущіе иной образъ жизни, то имъ оставалось или терпѣливо переносить лѣсны, шумъ, крикъ, пляску, или примыкать къ веселымъ людямъ, или, наконецъ, переселиться на другую квартиру. Чаше приходилось прибѣгать къ послѣднему способу, чѣмъ и пользовались тѣ, кто желалъ общенія съ Ф-мъ. Такимъ образомъ, стоило ему гдѣ либо поселиться, какъ вскорѣ въ томъ же домѣ, на какой-либо дачѣ, славаемой подъ «студенческія» квартиры обиталъ цѣлый кружокъ Ф-ва, пока, наконецъ, какая-либо внѣшняя сила, въ видѣ домовладельца съ «содѣйствіемъ» со стороны полиціи не заставляла нашего героя переселиться на другую квартиру. Само собою, что такіе субъекты сторонились отъ такъ называемыхъ «Казенныхъ номеровъ», въ особомъ зданіи, противоположномъ зданію, гдѣ помѣщались лабораторіи и которое боковой стѣной приближалось къ Академической церкви: между послѣдней и зданіемъ казенныхъ номеровъ шло продолженіе шоссе изъ Москвы въ Петровское-Разумовское, а затѣмъ—на дер. Выселки.

Въ казенныхъ номерахъ, число которыхъ было не велико, поддерживался извѣстный порядокъ, тишина и т. д., хотя несуществовало и здѣсь особаго надзора. Помнитея, что въ тѣ времена, къ которымъ относятся эти воспоминанія, не имѣлось въ Академіи Инспектора студентовъ, съ каковымъ званіемъ обычно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ соединяются обязанности полицейскихъ, а слѣдовательно и наблюденія за внутреннимъ порядкомъ Академіи. Всякое

нарушеніе спокойнаго хода академической жизни непрѣменно влекло за собой умиротворяющее, личное, вмѣшательство директора, на долю котораго выпадало много огорченій, такъ какъ въ собравшейся толпѣ, при разборѣ какого-либо инцидента, всегда находились невоспитанные и дерзкіе захребетники, шикающіе и освистывающіе начальника только потому, что онъ авторитетъ и власть, несмотря при томъ на полную и очевидную виновность товарищей, изъ-за сипы которыхъ шелъ свистъ и шумъ. Единственнымъ средствомъ недопущенія въ казенные номера буйныхъ, шумныхъ и пьянствующихъ нашихъ коллегъ—это отказъ подобному претенденту подѣ предложомъ, что вакантная комната уже предоставлена извѣстному слушателю.

Это, однако, не гарантировало для обитателей казенныхъ номеровъ абсолютнаго покоя, нарушаемаго самыми различными поводами. Достаточно отмѣтить, что въ «номерахъ» почти всегда ютились два кооператива: 1) *студенческая лавочка*, гдѣ слушатели могли покупать предметы первой необходимости, якобы по цѣнѣ болѣе дешевой, чѣмъ въ лавкѣ, которая имѣлась на академической землѣ, въ специально построенномъ для этого зданіи, отдаваемомъ содержателю лавки чуть-ли не бесплатно, при томъ снабжая топливомъ; кромѣ того, онъ пользовался и другими льготами,—и 2) *студенческая бібліотека*, очень небогатая учебниками, которыми пользовались слушатели, безъ внесенія залога, какъ это требовалось Академической бібліотекой, весьма богатой для того времени.

Оба кооператива были нелегальны, постоянно переключивались при каждой смѣнѣ завѣдывающихъ ими, но не слышно было, чтобы они пребывали гдѣ-либо внѣ «казенныхъ номеровъ». Тутъ часто происходили недоразумѣнія на почвѣ недочетовъ, даже растраты, потери книгъ, невыдачи ихъ и т. п. Разбирать все это приходилось директору, который смотрѣлъ на это учрежденіе снисходительно. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что профессора, хотя въ отдѣльности отзывчивы были къ запросамъ молодежи, но, въ общемъ, умственно и нравственно не были связаны со слушателями. Господствовала полная разобщенность слушателей между собою, профессоровъ со слушателями и послѣднихъ со своимъ академическимъ начальствомъ. Въ этомъ скрывалась главная причина беспорядковъ въ Академіи, нерѣдко сопровождавшихся обысками и арестами. Этимъ же взаимнымъ индифферентизмомъ профессоровъ къ слушателямъ и послѣднихъ къ академическому начальству объяснялось, что на территоріи Академіи въ среду ея слушателей вторгались чу-

жде элементы, агитаторы, вышедшіе изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а многіе изъ нихъ и никогда не принадлежали ни къ какому высшему учебному заведенію, слѣдовательно и къ корпораціи студентовъ. Этимъ чуждымъ элементомъ часто вызывались волненія на почвѣ политической, приведшей къ памятной и теперь катастрофѣ извѣстной подъ названіемъ «нечаевской» исторіи, сопровождавшейся убіиствомъ осенью 1869 года слушателя П. И. Иванова; но къ этому я возвращусь.

Съ первыхъ дней существованія Академіи, наѣхавшая молодежь встрѣтила большія затрудненія въ квартирномъ вопросѣ. Казенныхъ номеровъ, сдаваемыхъ слушателямъ за плату по 4 р. въ мѣсяць, включая отопленіе и кипятокъ, которымъ можно было пользоваться до полуночи, чуть-ли не съ 5 часовъ утра—было очень немного; для большинства и эта плата считалась дорогой, поэтому слушатели жили отчасти на такъ называемыхъ дачахъ, построенныхъ на отданныхъ въ аренду, на правѣ 99-лѣтняго пользованія казенными участками; но и этихъ дачъ было немного. Не менѣе 50—60% всего контингента слушателей жила въ ближайшихъ деревняхъ, между которыми наибольшее удобство представляла деревня Выселки, которая почти сплошь населена была слушателями; нѣсколько человекъ (въ томъ числѣ и пишущій эти строки) жили въ дер. Марѣиной, за Николаевской жел. дорогой, въ 3 верстахъ отъ Академіи; далѣе—с. Лихоборы и др. Немало слушателей жило въ Москвѣ, промышленяя уроками, или при родителяхъ и родственникахъ, наконецъ—занимающіе разныя службы.

Администрація Академіи, по возможности, облегчала квартирныя затрудненія. Съ этой цѣлью на фермѣ были устроены нѣсколько мансардныхъ комнатъ, которыя предоставлялись слушателямъ по весьма умѣренной цѣнѣ. Эти квартиры находились въ лѣвой башнѣ званія, по заднему его фасаду, если смотрѣть по направленію къ Николаевской желѣзной дорогѣ. Въ этихъ номерахъ проживало 9—10 слушателей. Квартиры на фермѣ считались слушателями болѣе выгодными, чѣмъ въ казенныхъ номерахъ, потому что первыя обходились дешевле вторыхъ и кромѣ того на фермскія мансарды никогда не заглядывали никакія вали никакія власти. Къ этимъ квартирамъ приставлена была для прислуживанія женщина, служащая также скотницей на фермѣ. тогда какъ въ «казенныхъ номерахъ» была мужская прислуга, о которой ходили слухи, что она находится въ нѣкоторомъ подчиненіи Жандармскому Управленію и обязана доносить о сходкахъ, сбори-

шахъ, о появленіи подозрительныхъ, новыхъ лицъ и т. п. Было ли это такъ—не могу сказать, но что по временамъ появлялись полицейскія власти и не позволяли осуществиться сходкѣ, или собранію незначительнаго числа слушателей даже для собесѣдованія по курсовымъ темамъ, или для составленія «записокъ» по лекціямъ кого-либо изъ профессоровъ, въ чемъ чувствовалась большая потребность, такъ какъ въ тѣ отдаленныя времена у насъ не было по нѣкоторымъ предметамъ никакихъ руководствъ, а специальная литература была до того бѣдна, что нынѣшніе студенты не могутъ себѣ и представить трудности изученія специальныхъ предметовъ въ наше время.

Такимъ образомъ, страхъ предъ тайными доносами и шпионствомъ отучивалъ многихъ слушателей отъ «казенныхъ» номеровъ и заставлялъ искать жилищъ болѣе въ этомъ отношеніи гарантированныхъ. Квартіры на фермѣ представлялись наиболѣе удобными и первыми жильцами ихъ были люди съ «протекціей»; такъ, лучшую изъ мансардъ занималъ юноша—родственникъ директора. въ другихъ—ютились тѣ, кто былъ знакомъ лицамъ, составлявшимъ администрацію фермы. Но позднѣе фермерскія мансарды утратили такой характеръ и отдавались каждому, кто во время успѣлъ заявить о своемъ желаніи, а затѣмъ, если въ этомъ гнѣздѣ появился дѣятель или вождь какой-либо группы, то мансарды незамедлили заселяться людьми той же группы, если же оказывался нежелательный сосѣдь для «группы», то его всѣми мѣрами старались выжить, причемъ обычной мѣрой были: шумъ, крикъ, пѣсни, пляска, гитара, не перестававшая тренькать въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, а такъ какъ всѣ мансарды раздѣлялись тонкими досчатыми, слегка отштукатуренными стѣнами, то все, что говорили и даже малѣйшій шорохъ у сосѣдей—слышны были во всѣхъ мансардныхъ комнатахъ. При такихъ условіяхъ заниматься было трудно и особенно готовящемуся къ экзамену. Слушатель, не принадлежащій къ «группѣ», упорно сопротивляющійся вытѣсняющимъ его изъ квартиры, раньше имъ занятой, вынужденъ былъ искать мѣста для занятій у кого-либо изъ товарищей, иногда въ библиотекѣ, временно переселяться, напр., въ дер. Марейну и т. п. Такъ вынужденъ былъ поступить и пишущій эти строки, удалившійся для подготовкы къ послѣднимъ, такъ сказать, критическимъ экзаменамъ, въ августѣ—сентябрѣ 1869 года—въ дер. Марейну, къ своей доброй хозяйкѣ, крестьянской вдовѣ, матери 4-хъ дѣтей, Аннѣ Фляновой. въ избѣ которой въ первомъ году пребыванія въ Академіи онъ прожилъ съ двумя товарищами (оба

окончившіе курсъ въ Нижегородской губерніи) зиму и лѣто 1866—7 года, вплоть до осени 1867 года, когда одинъ изъ троихъ, Вл. . . . .скій, выступившій на конкурсъ для полученія стипендіи, «провалился» и не имѣя никакихъ средствъ для содержанія себя въ Академіи, покинулъ ее и гдѣ устроился этотъ благородный юноша, скончившій гимназическій курсъ съ золотой медалью, осталось для пушищаго эти строки—покрытымъ неизвѣстностью: въ то же время покинулъ Академію и другой нашъ товарищъ фонъ-М. . . .ръ, отецъ котораго скончался не задолго до окончанія юношей ф.-М. . . .ромъ гимназическаго курса, оставивъ семью безъ средствъ къ жизни. Отецъ ф.-М. . . .ра управлялъ крупнымъ имѣніемъ на Волгѣ и если не былъ агрономъ, то усердно слѣдилъ за развитіемъ агрономической науки, на что указывали весьма цѣнные нѣмецкія книги, въ родѣ сочиненій: Пабета, Кирхбаха, Бирнбаума, Ю. Либиха и мн. др., которыя привезъ съ собою юноша, желая посвятить себя тому дѣлу, которымъ занимался его отецъ и въ обстановкѣ котораго онъ выросъ. Юноша, не привыкшій къ столь суровой жизни, какую мы вели въ Маленькой избѣ Анны Фляновой, раздѣляя съ нею ея бѣдность, часто похварывалъ, но усердно посѣщалъ лекціи, осиливая всѣ трудности перехода изъ Марѣиной въ Академію по проселочной дорогѣ, частью вдоль Николаевской жел. дороги до нашего полустанка «Петровское-Разумовское», отъ него же по «проспекту съ лиственными аллеями» по бокамъ его. Зима 1866—67 года была самая суровая, какую запомнятъ москвичи; весь нашъ путь представлялъ почти сплошной вурдакъ и, часто, идя въ Академію, утромъ въ 7—7½ часовъ, мы встрѣчали по 2—4 волка, бѣгущихъ по направленію отъ Москвы, вѣроятно, въ ближайшіе лѣса; но звѣри мирно пересѣкали нашъ путь, повидимому, сами напуганные нами, хотя мы, кромѣ лѣвить да «студенческихъ» палокъ, никакого оружія не имѣли. Въ эту суровую зиму вымерзъ старый плодовый садъ, занимавшій значительный участокъ по лѣвую сторону отъ «лиственничнаго» проспекта, если смотрѣть на проспектъ отъ главнаго зданія Академіи по направленію къ желѣзной дорогѣ. Волъ эти переходы были тяжелы для нашего товарища ф.-М. . . .ра, а затѣмъ онъ, видя неуспѣхъ своего гимназическаго товарища Вл. . . . .го, при конкурсѣ на стипендію оставилъ Академію, а затѣмъ и выпущенному эти строки было какъ-то сиротливо оставаться въ д. Марѣиной, хотя добрая хозяйка и готова была понизить плату за избу.

Дер. Марѣина представляла собою довольно интересный подмосковный населенный пунктъ (въ 30—32 двора), мало-земельные

крестьяне котораго промышляли легковымъ извозомъ въ Москвѣ, нѣкоторые ломовымъ, значительная же часть кустарными промыслами, между которыми было много выдѣлывающихъ дубовыя, кизилёвыя и т. п. палки и ручки къ мужскимъ и женскимъ зонтикамъ; женщины же зимой вязали на спицахъ шерстяные чулки (большею частью безъ пятокъ) и рукавицы. Этимъ ремесломъ занималась и наша хозяйка, которая разъ въ недѣлю отправлялась въ Москву съ издѣльями (въ которыхъ принимала участіе и ея незамужняя дочь). Продавъ ихъ, на выручку закушала шерстяную пряжу или нитки, а на остатокъ—провизию для семьи, а также на выданныя ей деньги и для своихъ постояльцевъ.

Съ весны и до осени дѣятельность нашей хозяйки измѣнялась. Уже въ мартѣ въ деревнѣ появлялись посредники-ярославцы, которые запродавали, или скорѣе пристраивали на лѣтній сезонъ дойныхъ коровъ, за 30—40 рублей. Продажею надаиваемаго молока скупались содержаніе коровы, плата за нее и на долю хозяйки оставалось 20—30 рублей. Молоко продавалось въ характерныхъ кувшинахъ (20—22 въ ведрѣ) по 5—6 коп. за кувшинъ, а такъ какъ дойка за лѣто (съ $\frac{1}{2}$ апрѣля по октябрь) давала 70—80 ведеръ молока или отъ 1400 до 1600 кувшиновъ, то валовая выручка 70—90 р., а за уплатой за корову 30—40 р., оставалась 40—50 р., т. е. за содержаніе 20—30 р. и хозяйкѣ рублей 20, что ее вполне устраивало. Несмотря на 5—6-ти верстное разстояніе отъ «Крестовской Заставы» до д. Марённой проѣздъ нашъ въ Москву обходился не дорого, благодаря тому, что марёнинскіе извозчики всегда порожнемъ ѣхали на промыселъ, а потому довольствовались 5—10 к., или даже угощеніемъ «парой» чая въ томъ трактирѣ, близъ Крестовской Заставы, гдѣ они кормили своихъ лошадей, сами подкрѣпляли свои силы «парой» чая, стоившей 5 коп., или рюмкой водки. Такъ же дешево можно было и возвратиться въ Марёнинс, если прибыть въ тотъ же трактиръ ко времени, когда вечеромъ извозчики кормятъ лошадей и сами себя угощаютъ чаемъ, а затѣмъ уѣзжали домой. Съ отрадой вспоминаю я это время и если мои товарищи по пребыванію въ д. Марённой не ушли еще отъ дѣла и жизни, то пошли имъ Небо всего наилучшаго. Анна же Флянова, вѣроятно уже почилла отъ своихъ трудовъ, то да будетъ ей удѣломъ вѣчная память и Царство Небесное, какъ истинной русской благородной крестьянкѣ.

Разставаясь съ д. Марённой пришлось искать квартиру въ Петровскомъ-Разумовскомъ, или въ Академи. Случай благопріятствовалъ этому, такъ какъ въ башенной мансардѣ освобождалась одна

очень плохая комната, но я радъ ей, потому что настало время усиленнаго слушанія лекцій и занятій въ лабораторіи. Съ новымъ моимъ знакомымъ К...феромъ мы сняли эту комнату за 4 рубля, включая въ это число и 1 р. платы въ пользу обслуживающей мансардовыхъ жильцовъ—женщинъ. Чуть-ли не на второй-третій день моего переселенія на новое жилище, идя въ нашу столовую обѣдать, я встрѣтилъ новое для меня лицо, которое сопровождалъ крупный, сильный, съ обнаженными верхними зубами, бульдогъ. Бульдогъ, повидимому, безъ злого умысла бросился ко мнѣ, что не могло не встревожить меня... «Не беспокойтесь,—сказалъ мой незнакомецъ,—это добродушное животное умѣетъ, гдѣ нужно, использовать свои зубы и силу и если вцѣпится въ гриву медвѣдя или въ хребетъ волка, то повиснетъ на нихъ, пока они не падутъ; звать его «Ронька».

Я назвалъ собаку и «Ронька» ласково стала увиваться, бросаться на грудь, нѣжно хватала своей пастью за руки, словомъ, мы сразу стали не только знакомы, но и друзьями.

— Позвольте же познакомиться и съ хозяиномъ этого славнаго животнаго,—сказалъ я. Мы назвали свои фамиліи.

Мой новый знакомецъ назвалъ себя Ив. Ив. Ивановымъ, перешедшимъ въ число слушателей Академіи изъ Петроградскаго Университета, гдѣ, по его словамъ, онъ былъ на математическомъ отдѣленіи естественнаго факультета.

На этотъ разъ нашъ разговоръ и ограничился, хотя, пройдя нѣсколько шаговъ и, обернувшись назадъ, я видѣлъ, что мой новый знакомый остановился и что-то записывалъ.

Во все время моихъ занятій я ни разу не встрѣтилъ И. И. И. въ аудиторіяхъ, но могло это случиться отъ того, что я уже былъ слушателемъ III семестра, онъ же I-го; на улицахъ кое-когда встрѣчалъ и каждый разъ И. И.—въ задерживался, чтобы поговорить со мной, причемъ старался всегда знакомить меня со своимъ міровоззрѣніемъ и каждый разъ приглашалъ посѣтить его, гдѣ-то на «Выселкахъ». «Приходите» такого-то числа, въ такомъ-то часу,—«соберутся товарищи... узнаете, чего теперь требуетъ народъ отъ просвѣщенной молодежи» и т. п.

Въ теплое время года И. И. И.—ва можно было узнать издали, такъ какъ онъ одѣтъ былъ въ сюртукъ грязно-соломеннаго цвѣта сукна; этотъ цвѣтъ сюртука или пиджака былъ до извѣстной степени характернымъ для слушателей; поэтому признаку можно было уклоняться отъ встрѣчи съ нимъ, если она почему-либо была нежела- тельная.

И. И. П.—новъ былъ лѣтъ 22—23, средняго роста, съ приятнымъ, нѣсколько исхудавшимъ, вполнѣ интеллигентнымъ лицомъ и сосредоточеннымъ какъ бы углубленнымъ взглядомъ. Смѣющимся или улыбающимся я его никогда не видѣлъ, даже и въ обществѣ его друга К. . . . аго или гдѣ бы то ни было.

И. И. П.—въ всегда былъ чѣмъ-то озабоченъ, помимо того, по видимому, не обладая средствами, принужденъ заниматься уроками, въ Москвѣ, куда часто ходилъ и ѣздилъ. Озабочивали его другія мысли. При каждой встрѣчѣ онъ всегда просилъ что-либо пожертвовать, или на пособіе томящимся въ острогѣ студентамъ, или посланнымъ въ Сибирь, или русскимъ эмигрантамъ въ Швейцаріи, Америкѣ и т. п. Всякую выпрашиваемую ленту онъ немедля заносилъ въ свою записную книжку, съ которой никогда не разставался. Вообще И. И. П.—въ производилъ впечатлѣніе чловѣка очень честнаго и беззавѣтно преданнаго заботамъ о благѣ народа, а какія для достиженія этого вырабатывались мѣры и средства, общество отчасти узнало, нѣсколько лѣтъ спустя, изъ процесса «Нечаева», разбиравшагося въ Петроградской Судебной Палатѣ, съ іюля по декабрь 1871 года. Вообще, о дѣятельности Иванова въ Академіи шли слухи, что онъ-де принадлежалъ къ кружку какого-то грандіознаго политическаго общества, покрывшаго всю Россію весьма хитрой-де и остроумной организаціи, но въ чемъ послѣдняя состояла—ровно ничего не знали тѣ, кто не принадлежалъ ни къ какимъ «кружкамъ», въ постоянной заботѣ—сдавать очень трудные экзамены, для чего необходимо было строго соблюдать и всѣ требованія профессоровъ, а въ ряду этихъ требованій поглощали все время, особенно лѣтомъ, практическія работы на полѣ, въ лѣсной дачѣ, въ питомникѣ, на дугу, опытномъ полѣ, въ огородѣ, саду, на экскурсіяхъ въ окрестныя лѣсныя дачи и т. п. Говорили также, что въ одинъ злополучный день, по данному сигналу, чуть не изъ Швейцаріи будутъ перерѣзаны и уничтожены всѣ пользующіея какими бы то ни было преимуществами, истекающими отъ какихъ бы то ни было привилегій, не исключая и тѣхъ, которые проистекаютъ отъ облагораживанія чловѣка воспитаніемъ и образованіемъ.

И уже отмѣтилъ бульдога «Роньку», который всюду сопровождал И. И. Иванова; но у него былъ другъ и между молодыми людьми, нѣкто Р. . . . скій. Кажется, онъ не былъ слушателемъ, такъ какъ въ спискахъ о бывшихъ слушателяхъ періода 1866—71 г. эта фамилія не встрѣчается, но о дружбѣ П—ва и Р—го говорили, что она основана на общности дѣтскихъ воспоминаній и что

И—скій совершенно чуждъ какихъ-либо политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, гдѣ бы то ни было, словомъ, составлялъ полную противоположность И—ву, тѣмъ не менѣе зналъ всѣ тайны П—ва. Говорили, что Р—ій человекъ богатый, крупный землевладелецъ, передовой хозяинъ, и что пребываніе его въ Академіи сводилось къ тому, чтобы присмотрѣться къ практической сторонѣ полеводства и другихъ отраслей академическаго хозяйства. Р—го никто никогда не встрѣчалъ въ аудиторіяхъ, лабораторіяхъ, на опытномъ полѣ; но зато его часто видѣли на поляхъ и фермѣ при производствѣ полевыхъ работъ, на фермѣ—при уходѣ за скотомъ, составленіи и раздачѣ кормовъ и др. На попеченіи Р—го оставался «Ронька», когда П—въ отправлялся на уроки или по другимъ причинамъ въ Москву и т. п. Когда видѣли «Роньку» съ Р—мъ, то можно было утверждать, что И—въ не находится на территоріи Академіи. Повидимому, и И—въ не старался привить своему другу своихъ политическихъ взглядовъ, какъ и Р—скій не разубѣждалъ и не касался тѣхъ убѣжденій, которыя лелѣялъ И—въ. Оба друга, повидимому, никогда не жили вмѣстѣ и Р—ій не предвидѣлъ опасности для жизни его друга, иначе, конечно, предотвратилъ бы ее.

По мѣрѣ того, какъ протекала моя жизнь въ башенныхъ мансардахъ фермы, постепенно измѣнялся составъ обитателей ихъ; мнѣ, во-первыхъ, пришлось вскорѣ разстаться съ моимъ сожителемъ К...ромъ, который, не имѣя средствъ, вынужденъ былъ принять должность учителя въ какой-то московской реформатской школѣ, затѣмъ мнѣ удалось перейти въ другой, болѣе удобный номеръ, расположенный противъ раньше мною занимаемаго. Далѣе, самый большой номеръ, въ которомъ проживали по 5—6 слушателей, сперва занялъ В. Л. Ф...овъ; онъ постепенно перетаспалъ въ этотъ номеръ человекъ пять веселыхъ людей; въ довершеніе же всѣхъ для меня неудобствъ, въ прежде занимаемомъ мною номерѣ поселился слушатель В. Э...овъ, который чуть-ли не цѣлыя сутки игралъ на гитарѣ. Своимъ несмолкаемымъ тринканьемъ, днемъ и ночью, онъ внушилъ мнѣ такое отвращеніе къ этой музыкѣ, что до сей поры я немогу выносить ни вида, ни звуковъ этого инструмента, хотя бы они извлекались гениальнымъ виртуозомъ. Э...товъ былъ желанный для кружка Ф...ва сосѣдъ, который незамедлилъ слиться съ названнымъ кружкомъ и всегда подыгрывалъ подъ пѣсни и пляски моихъ неугомонныхъ сосѣдей, мѣшавшихъ не только заниматься, но и спать. а, между тѣмъ, надвигалось время послѣднихъ экзаменовъ. Оставался еще одинъ номеръ по сосѣдству съ моимъ, въ которомъ

часто смѣнялись обитатели. Входъ въ этотъ номеръ былъ непосредственно съ верхней площадки лѣстницы, тогда какъ мною занимаемый и два остальныхъ имѣли общую переднюю, съ печкою, которая обогрѣвала мой и моего сосѣда-гитариста номера.

Каково же было мое удивленіе, когда выйдя изъ своего номера и спускаясь по лѣстницѣ, я встрѣтилъ «Роньку», а вслѣдъ за нимъ на другомъ поворотѣ лѣстницы и П. И. П...ва.

Никогда не встрѣчая его въ этихъ мѣстахъ, здравствуясь съ нимъ, я шутиливо спросилъ его:

— Какимъ вѣтромъ занесло васъ въ наши трущобы?

— Никакимъ,—отвѣтилъ И...въ.—Я здѣсь живу.

Невольно у меня возникъ вопросъ: неужели этотъ мрачный субъектъ примкнулъ къ партіи «Ф—ва», развеселаго человѣка, и что можетъ выйти изъ такой комбинаціи человѣческихъ привычекъ и наклонностей?

Вскорѣ, однако, сосѣдство Иванова дало себя почувствовать еще болѣе остро, чѣмъ пѣсни, пляска и гитара съ трехъ остальныхъ сторонъ. Въ номерѣ И—ва, по ночамъ, собирались лица, которыя, судя по ихъ голосу, не были знакомы мнѣ. Тонкая перегородка, отдѣлявшая мою комнату отъ И—ва, дѣлала всякій разговоръ у сосѣда столь же слышимымъ, какъ бы онъ происходилъ у меня. Слышны были споры о мѣрахъ развитія народа; одни были за мирное развитіе посредствомъ распространенія школъ, открытія кооперативовъ, способствовавшихъ улучшенію матеріальнаго положенія народа; другіе же, и между ними чаще слышался голосъ какъ бы властный, доказывалъ, что только путемъ революціи можно достигнуть желаемыхъ цѣлей. Изъ всѣхъ голосовъ мнѣ извѣстенъ былъ только голосъ Иванова, который, судя по его тону и несогласію съ своими товарищами во мнѣніяхъ, обзывалъ мнѣнія одного иелѣпостью, другихъ—«мертвятчиной», «вздоромъ» и даже «глупостью». Все это рисовало Иванова въ другомъ видѣ, чѣмъ какимъ я его представлялъ на основаніи тѣхъ впечатлѣній, которыя вынесилъ изъ рѣдкихъ съ нимъ встрѣчъ. Теперь я видѣлъ въ Ивановѣ человѣка сварливаго, спорщика, нетерпѣливаго къ чужимъ мнѣніямъ, довольно грубаго въ сношеніяхъ съ людьми, и т. п.

Все это такъ, но мнѣ отъ этихъ выводовъ не стало легче, такъ какъ занятій было много, я рѣшилъ непремѣнно покончить съ экзаменами осенью 1869 года, заниматься же сосѣди не позволяли. Я уже началъ подумывать о переселеніи на другую квартиру, но такъ какъ я прожилъ въ этомъ мѣстѣ около 3 лѣтъ, ком-

ната эта во всѣхъ отношеніяхъ меня удовлетворяла; наконецъ, мнѣ оставалось 2—3 мѣсяца до окончанія экзаменовъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я рѣшилъ во чтобы то ни стало не уступать своей квартиры и, въ крайности, для занятій удалиться въ дер. Маренну, гдѣ у Анны Фляновой, занимаемая нѣкогда мною съ двумя товарищами, изба была свободна.

Однако, не прошло и мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Ивановъ сталъ моимъ сосѣдомъ, у меня произошло слѣдующее съ нимъ столкновеніе: въ одинъ изъ дней, часовъ около 11—12, ко мнѣ кто-то постучался. Я незамедлительно отворилъ дверь и былъ удивленъ, узнавъ въ вошедшемъ Ив—ва, котораго сопровождалъ неизвѣстный мнѣ субъектъ.

— Мы пришли къ вамъ,—началь Ив—въ,—передать просьбу свою и нашихъ товарищей, чтобы вы удалились изъ этихъ мѣстъ на другую квартиру, потому что ваше сосѣдство для насъ составляетъ большое неудобство; почему?—вы это сами должны понять...

— Я не стану входить,—отвѣтилъ я,—въ обсужденіе тѣхъ мотивовъ, которые васъ привели сюда, и прямо заявляю вамъ, что вашего требованія не исполню. Не вы и не ваши товарищи хозяева здѣсь, я пользуюсь этимъ помѣщеніемъ почти три года, никому ни въ чемъ не мѣшаю, шума не произвожу, и если уже кому изъ насъ оставить эти мѣста, то прежде всего вамъ и вашимъ товарищамъ, не желающимъ понять безпокойство, которое вы причиняете мнѣ въ такое время, когда у меня идутъ экзамены...

— До вашихъ экзаменовъ намъ нѣтъ никакого дѣла... Мы просто считаемъ васъ опаснымъ для нашего дѣла,—сказалъ И—въ.

— Я не намѣренъ считаться съ вашими соображеніями и не оставлю моего жилища ради вашего удобства. Отказавъ мнѣ въ квартирѣ, которую я занимаю, выравъ только управляющій фермой: къ нему вы и обратитесь съ своимъ ходатайствомъ.

— Совѣтуемъ вамъ не упрямиться, иначе придется вамъ поздно раскаиваться въ вашемъ упорствѣ.

— Не думаю,—отвѣтилъ я;—занимаемого мною номера я не уступлю вамъ, а вамъ совѣтовать бы прискать для вашихъ дѣлъ болѣе удобное помѣщеніе, чѣмъ занимаемое вами на фермѣ.

— Ну, хорошо... прощайте; совѣтуемъ глубже вдуматься въ наше предложеніе,—и ушли.

Послѣ этого разговора, встрѣчаясь съ Ив—вымъ, мы не кланялись, и, вообще, обмѣнивались весьма враждебными взглядами.

Я ожидалъ повторенныхъ нападеній и какихъ-нибудь исторій

съ другого фронта, именно отъ кружка Ф—ва, который хотя вель шумную жизнь, но къ полночи всё они утомленные, а быть-можетъ и пьяные, мирно засыпали, не мѣшая заниматься. Но у П—ва днемъ было покойно; онъ и его сожителѣ поздно вставали и затѣмъ всё или почти всё куда-то исчезали до вечера, когда опять начинался своего рода «митингъ», заканчивающійся иногда въ 3—4 часа утра. Нерѣдко случалось утромъ проснуться въ 7—8 часовъ при полномъ молчаніи и тишинѣ въ комнатѣ Иванова; оказывалось, что «митингъ» продолжался до 4—4½ часовъ, а въ 5 утра все общество участниковъ собранія уѣхало въ Москву, такъ какъ въ 5 часовъ отходилъ отъ подъезда главнаго зданія Академіи первый экипажъ, называемый «линейкой», въ Москву. Рейсы этихъ линейекъ поддерживали сообщеніе Академіи съ Москвой и приспособлены были такъ, что «линейка» изъ Академіи первая отходила изъ Петровскаго-Разумовскаго въ 5 час. утра, приходила же изъ Москвы (отъ Страстнаго монастыря) въ 8 часовъ, т. е., къ началу лекціи.

Ивановскіе «митинги» бывали несомнѣнно многочисленные, о чемъ я судилъ не только по доходившимъ до слуха моего рѣчамъ, но и по встрѣчаемымъ на нашей лѣстницѣ и на площадкѣ у дверей Ивановскаго номера многихъ личностей, видѣнныхъ мною здѣсь впервые. Только позднѣе, когда я уже былъ на государственной службѣ, изъ дѣла, разбиравшагося лѣтомъ 1871 г. въ Петроградской судебной палатѣ «о заговорѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи» (первое засѣданіе открыто было въ 11 час. 40 мин. 1 іюня 1871 г., см. «Моск. Вѣд.» 1871 г., іюля 4, № 444), я узналъ, какой опасности я подвергался вслѣдствіе размолвки съ Ивановымъ, такъ какъ убійца его, Нечаевъ, былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей заговора, и, вѣроятно, я съ нимъ встрѣчался на лѣстницѣ, среди многихъ спускавшихся и поднимавшихся по ней личностей.

Можетъ-быть, меня спасло то, что лишенный малѣйшей возможности заниматься у себя, я переселился временно въ дер. Мар-еину, гдѣ усиленно работалъ, и оттуда держалъ экзамены, заходя на ферму, въ свою квартиру, чтобы захватить ту или другую книгу, или какую-либо вещь; но это было въ такіе часы дня, когда комната Иванова была пуста.

Здѣсь я отмѣчу весьма характерный фактъ: веселый, всегда поющій и пляшущій подъ звуки гитары Э—ва «кружокъ» Ф—ва, не имѣя, повидимому, ничего общаго съ партией Иванова и его

митингами, жили въ полномъ согласіи, и другъ друга не выживали, быть-можетъ потому, что «кружокъ» Ф—ва представлялъ собою физическую силу и полиѣйшій индифферентизмъ къ «заговорщикамъ», тогда какъ составъ «митинговъ», хотя числомъ превышавшій «кружокъ» Ф—ва, но состоялъ изъ тщедушныхъ людей, имѣвшихъ болѣзненный видъ; къ тому же Ивановъ и его сообщники вѣроятно смотрѣли на «кружокъ» Ф—ва какъ на бездарный, неспособный-де возвыситься до пониманія тѣхъ задачъ, надъ которыми работалъ Ивановъ и его сообщники.

Полагаю, что кружокъ Ф—ва зналъ и понималъ характеръ дѣятельности Иванова, но «кружокъ» былъ вполне порядочный, патристиченъ, любилъ отечество и все, что ему дорого; это доказывалось не только характеромъ пѣсенъ и плясокъ, всегда русскихихъ, но еще болѣе любовью къ церковному пѣнопѣнію: Ф—въ постоянно хлопоталъ объ устройствѣ академическаго церковнаго хора, часто на клиросѣ пѣлъ съ нѣкоторыми товарищами и нашимъ псаломщикомъ (получившимъ названіе «Тамберлика»), любилъ читать въ церкви «апостолъ», шестипсалміе, канонъ и др.

Мое положеніе, какъ «фермерскаго» квартиранта, занимавшаго центръ между «кружкомъ» и партіей «заговорщиковъ», было весьма непріятное, такъ какъ я негодовалъ и тѣми и другими; однако, все же кандидатскіе экзамены, осенью 1869 года, были сданы; оставалось разработать сочиненіе, темой для котораго взято «укрѣпленіе и облѣсенье летучихъ песковъ», и я могъ уже окончательно водвориться въ моей «фермерской» квартирѣ.

По сосѣдству «митинги» и «пляски»—продолжались; но они уже не мѣшали мнѣ, такъ какъ наступила для меня полная уравновѣшенность, я могъ заниматься въ библіотекѣ, иногда упражняться въ агрономической лабораторіи, дополняя свои знанія и т. п.

Въ ноябрѣ 1869 г. у моего сосѣда «митингъ» былъ особенно шумный и многочисленный; предлагались способы культуры русскаго крестьянина, и о чемъ тутъ только не говорилось: указывалось на необходимость знакомить народъ съ современнымъ философскимъ направленіемъ, часто слышались имена Прудона, Бокля, Фейербаха, Канта, Гегеля, Герб. Спенсера и даже Спинозы; обмѣнивались мнѣніями, но рѣзче всѣхъ и категоричнѣе возражалъ Ивановъ; «это мертвятчина»; «мертвятчина» и «мертвятчина»,—слышалось мнѣ. Это, повидимому, любимое Ивановымъ слово повторено было въ эту ночь не менѣе сотни разъ и оказалось какъ бы вѣщимъ для него, такъ какъ эта ночь и слѣдующій за ней день

были послѣдними въ его молодой, увлекающейся и, пожалуй, безумной жизни, нить которой пресѣкли парки, въ лицѣ пяти заговорщиковъ, во главѣ съ Нечаевымъ, какъ это выяснилось изъ обвинительнаго акта по этому дѣлу («Прав. Вѣстникъ» 1871 года. №№ 156—168; №№ 171—177; №№ 179—185; №№ 195—201; № 205 и № 206).

Какъ выяснилось изъ процесса, который я прослѣдилъ лишь теперь ради воспоминанія объ Академіи, въ виду 50-ти-лѣтняго существованія высшаго заведенія, носящаго нынѣ титулъ «Московского с.-хоз. института», убійство Иванова совершено Нечаевымъ съ большимъ или меньшимъ участіемъ въ этомъ 4-хъ лицъ, 21 ноября вечеромъ 1869 г., въ академическомъ паркѣ у руины прота, находившагося на берегу изголовья большого пруда, гдѣ послѣдній уже превращался почти въ болото, поросшее камышомъ, кутой и др. болотными травами.

Когда, утромъ, 21 ноября, я проснулся, то прежде всего былъ удивленъ, что сосѣди, которые мѣшали мнѣ уснуть до 3 часовъ и даже уже во снѣ я продолжалъ метаться отъ шума,—какъ бы вымерли: тишина полнѣйшая. Когда прислуга принесла мнѣ самоваръ, я спросилъ ее: «Что сосѣди? Даже не храпятъ»...—«Да всѣ они уѣхали съ утренней «линейкой»,—отвѣтила мнѣ «тетушка Катерина», такъ звали нашу прислугу.

Весь день 22 ноября и слѣдующая за нимъ ночь прошла при абсолютномъ спокойствіи со стороны квартиры Иванова; неслышно было и «бружка» Ф—ва; послѣдній 22 числа уѣхалъ въ свое имѣніе; только мой сосѣдъ Э—въ, по временамъ, въ одиночествѣ уныло тринкалъ на гитарѣ.

Утро 24 ноября я тоже встрѣтилъ при полномъ спокойствіи, и какъ выспавшійся (за эти двѣ ночи), въ хорошемъ настроеніи духа, подумывая, какъ было бы хорошо такое спокойствіе во время экзаменовъ. Вскорѣ я спустился съ нашихъ мансардъ на дворъ фермы, чтобы идти въ академическую бібліотеку, но недоходя до прохода черезъ зданіе фермы, выводящаго на главный нашъ проспектъ, какъ встрѣтилъ «ключника» фермы; поздоровавшись со мной, онъ остановился и сказалъ:

— Слышали новость... Студента нашего нашли убитымъ и брошеннымъ въ прудъ, съ подвязанными къ ногамъ и шеѣ кирпичами.

— Гдѣ, какого студента, въ какомъ мѣстѣ, что вы говорите... Были тамъ?..

— Не былъ, всё туда обгуть, и начальство и студенты... Мнѣ нужно кормъ опускать скотникамъ... Говорятъ убить нашъ фермерскій жилецъ.

— Не Ивановъ-ли?—подказало мнѣ тяжелое предчувствіе,—спросилъ я.

— Кажись его,—отвѣтилъ ключникъ.

Выйдя изъ фермы, я увидѣлъ очень многихъ мужчинъ и женщинъ, слушателей и профессора Павла Ант. Ильенкова,—всѣ спѣшно шли въ одномъ направленіи, по которому послѣдоваль и я.

У грота, въ 3—5 шагахъ отъ заболоченной, слегка прикрытой льдомъ части пруда, собралось множество людей; трупъ уже извлеченъ былъ изъ воды, и покоился съ подвѣшенными къ нему тпрпичами, прикрытый рогожей. Возлѣ трупа жалобно вылъ бульдогъ «Ронька» и суетился, пользуясь всякимъ моментомъ, когда становой приставъ (академія, какъ находившаяся тогда въ Московскомъ уѣздѣ, состояла въ вѣдѣніи уѣздной полиціи), удалялся отъ трупа, другъ Иванова, уже упоминаемый мною Р—ій, не раздѣлявшій ни образа мыслей, ни образа жизни Иванова, не жившій въ одной съ нимъ квартирѣ.

Пожалуй, изъ всѣхъ здѣсь находившихся, онъ одинъ подозрѣвалъ настоящую причину убійства его друга; зная же, какъ аккуратно записывалъ въ своей записной книжкѣ всѣ гривенники и копѣйки, которые выпрашивалъ Ивановъ на поддержку и субсидіи политическимъ дѣятелямъ, а быть-можетъ и другія замѣтки, которыя могли вызвать подозрѣніе многихъ и стать источникомъ горя и для тѣхъ, кто изъ деликатности, а чаще, чтобы отдѣлаться отъ назойливаго квестора, отдавалъ послѣдній гривенникъ, старался извлечь изъ бокового кармана сюртука записную книжку Иванова: очень можетъ быть, что это удалось Р—му. Всѣмъ было очевидно, что убійство совершено не съ цѣлью грабежа, такъ какъ на убитомъ находились часы, и говорили, что и кошелекъ цѣлъ. Въ заросляхъ кустарника, неподалеку отъ грота, найдена была барашковая шалка, башлыкъ и внушительная палка со слѣдами крови. Первая принадлежала Нечаеву, башлыкъ соучастнику Нечаева—Кузнецову, но взять у кого-то изъ слушателей; палка принадлежала самому Иванову, и, вѣроятно, онъ упалъ на нее, сраженный пулею, пущенной Нечаевымъ въ затылокъ и вышедшей черезъ глазъ. Долго здѣсь оставалось и постоянно прибывала публика; много было высказано соображеній по поводу убійства. Становой приставъ утверждалъ, что барашковая шалка принадлежала

женщинѣ, что убійство совершено на почвѣ романа, что въ прудѣ, гдѣ-либо на днѣ, покоится другой трупъ, что придется спустить воду, а жаль-де, такъ какъ вода зальетъ сосѣднія поля, луга и селенія; прудъ-де историческій; на немъ Петръ Великій, будучи еще Царевичемъ, держалъ здѣсь часть своего флота, въ видѣ тѣхъ ботишковъ, образецъ котораго хранится въ Петроградѣ. О гротѣ, гдѣ совершено убійство, существовало преданіе, что онъ сооруженъ Петромъ Великимъ, который любилъ въ немъ уединяться, и, быть-можетъ, здѣсь зарождались у юнаго Царя тѣ великіе планы, на основаніи которыхъ онъ созидалъ благо Россіи. Гротъ представлялъ собою кирпичное круглое строеніе (около 4—5 арш. въ діаметрѣ) съ куполообразнымъ сводомъ, въ верху котораго (въ вѣнитѣ) находилось круглое отверстіе, быть-можетъ, окно; въ гротъ вела только одна дверь со стороны пруда, но въ то время все это было съ обсыпавшимися кирпичами и камнями. Войти въ гротъ было опасно въ виду того, что съ верху могли падать кирпичи; они-то и взяты были заговорщиками для того, чтобы скрыть подъ водой трупъ Иванова, потопивъ его; но въ темнотѣ и вслѣдствіе растерянности, трупъ упалъ въ неглубокое мѣсто, застрялъ между камышами и даже не былъ, какъ говорили, прикрытъ водою.

Поздняя осень 1869 года была безснѣжная, хотя уже много было дней и ночей съ температурой ниже нуля, и мелкіе водоемы, а также и берега пруда, покрылись льдомъ. Убійцы, вѣроятно, рассчитывали, что трупъ будетъ сокрытъ подъ водою, а снѣгъ покроетъ ледяную поверхность до весны; исчезновеніе же Иванова станетъ загадочнымъ. Случилось, однако, иначе. Рихардъ Ивановичъ Шредеръ, знаменитый нашъ садоводъ-огородникъ, завѣдывавшій всѣми садовыми учрежденіями Петровской академіи, распорядился производствомъ прочистки и прорѣживанія разныхъ зарослей въ паркѣ, часть же послѣдняго, гдѣ находился «гротъ», представляла собою въ полномъ смыслѣ чащу кустарника,—прекрасное мѣсто для свиданій. 24 ноября нарядъ рабочихъ направился въ этотъ уголокъ парка, начавъ вырубку излишней кустарной и древесной растительности отъ границъ парка, съ одной стороны въ видѣ глубокой канавы съ валомъ, а съ другой—ручья, который совмѣстно съ ключами питалъ водою академическій прудъ, и, вотъ, подвигаясь съ своей работой ближе къ «гроту», натолкнувшись на упомянутыя находки, которыя сразу навели всѣхъ рабочихъ на мысль о чемъ-то недобромъ, а найденная окровавленная палка привела и къ простѣчивающемуся сквозь ледяное стекло,

въ камышахъ, трупу челоуѣка. Испуганные рабочіе бросили работу и немедля дали знать академическому начальству, а затѣмъ мигомъ встрепенулось все населеніе Петровскаго-Разумовскаго, Выселокъ и др. окрестностей. 29 ноября трупъ перенесенъ былъ въ анатомическую комнату, находившуюся въ подвальномъ этажѣ главнаго зданія академіи, въ углу, ближайшемъ къ церкви, передняго фасада. Послѣ судебного вскрытія трупа и положенія въ гробъ, послѣдній, послѣ панихиды, перенесенъ въ церковь. Профессоръ богословія Я. Д. Головинъ отслужилъ заупокойную литургію и панихиду, благословилъ покойника въ путь, къ вѣчному покою на приходское кладбище, кажется, въ с. Лихоборахъ. Похороны устроилъ Р—ій, который, кажется, одинъ изъ слушателей академіи сопровождалъ несчастнаго своего друга.

Начались аресты въ академіи, въ Москвѣ, въ Петроградѣ и др. мѣстахъ. На фермерскихъ мансардахъ водворилась мертвая тишина. Неслышно было и Э—кой гитары. Я, желая разсѣяться отъ томящаго чувства, не рѣшался, однако, на долго отлучаться изъ квартиры, продолжалъ почти не выходя оставаться дома, воображая, что вотъ-вотъ нагрянетъ полиція для обыска, ареста и т. д., такъ какъ только о нихъ и шла рѣчь между обитателями академіи. Лекціи почти прекратились, аудиторіи были пусты, въ лабораторіяхъ многіе столики оказались незанятыми; одинъ изъ лабораторныхъ слушателей, молодой красивый парень, арестованъ и пр.

Однако, уже вечеромъ, когда обнаруженъ былъ трупъ Иванова, въ слѣдующій и послѣдующій дни, въ комнатѣ убитаго Иванова, по временамъ, находились какіе-то люди, говорившіе между собою шепотомъ, шелестѣвшіе бумагами, книгами; слышенъ былъ и трескъ огня въ печкѣ. Это работали, думаю, близкіе къ Иванову люди, уничтожавшіе въ огнѣ весь его и живущихъ съ нимъ бумажный хламъ, между которымъ могли находиться записи Иванова, прокламаціи и др. атрибуты заговора, теоретическія задачи котораго были необыкновенно обширны и дерзки, какъ это выяснилось въ засѣданіяхъ по этому громкому и громадному дѣлу, разбиравшемуся петроградской судебной палатой съ 1 іюля 1871 г. чуть-ли не 4—5 мѣсяцевъ, стенографическій отчетъ о которомъ, по распоряженію Министерства Юстиціи, печатался полностью, систематично, послѣ cadaго засѣданія на другой день въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и перепечатывался всѣми большими газетами, и между ними «Московскими Вѣдомостями».

Быть-можетъ, во всемъ бумажномъ хламѣ и книгахъ, уничто-

женныхъ огнемъ, и не находилось ничего, отягчающаго вину многихъ; быть-можетъ, въ нихъ и не было записей тѣмъ деньгамъ, которыя собиралъ Ивановъ и его кружокъ, набирающій адептовъ для тайнаго общества главнымъ образомъ въ Петровской академіи и между молодыми рабочими и крестьянами окрестныхъ селеній, фабрикъ и заводовъ, но все же нельзя не упомянуть этихъ благодѣтелей, усмотрѣвшихъ ауто-да-фэ, быть-можетъ, надъ ни въ чемъ не повинными бумагами и книгами, что они поступили хорошо, воспользовавшись медлительностью полиціи. Последняя прибыла въ комнату похороненнаго Иванова уже чуть-ли не на 5-й или 6-й день послѣ того, какъ трупъ его былъ извлеченъ изъ пруда. Какъ-то возвращаясь въ свое помѣщеніе, поднимаясь на площадку лестницы, ведущей въ комнату покойнаго и въ общую переднюю остальныхъ комнатъ, я увидѣлъ очень внушительную сургучную печать на двери комнаты покойнаго Иванова. О! благодѣтельная халатность даже русскихъ полицейскихъ агентовъ, которые думали, что за время въ 5—6 дней все останется на мѣстѣ, какъ было въ тотъ злополучный для Иванова день, когда онъ покинулъ свое жилище съ тѣмъ, чтобы уже никогда въ него не возвращаться. А между тѣмъ возможно предположеніе, что обыскъ въ комнатѣ Иванова въ тотъ моментъ, когда извлеченъ трупъ, или хотя бы наложеніе печати на дверь, препятствующей входу въ комнату, могли бы причинить многимъ крупныя неприятели и скомпрометировать тѣхъ, которые даже и не слышали всѣхъ бахвальныхъ бредней заговорщиковъ.

Въ нечаевскомъ дѣлѣ, даже личность Сергѣя Геннадіева Нечаева, бывшаго учителя Закона Божія Сергіевскаго приходскаго училища въ Петроградѣ, была крайне бездѣтна, и кромѣ факта убійства Иванова, заподозрѣннаго Нечаевымъ въ шпіонствѣ или въ возможномъ предательствѣ, не было ничего, да и не могло быть такого, что повлекло бы за собою для нашего отечества какія-либо вредныя послѣдствія. Вотъ почему самое разбирательство нечаевскаго дѣла производилось въ судебной палатѣ съ участіемъ народныхъ представителей открыто, и самые приговоры были весьма гуманные.

Бросимъ бѣглый взглядъ на это дѣло, въ которомъ приняли участіе лучшіе представители Министерства Юстиціи и института присяжныхъ повѣренныхъ. Засѣданія петроградской судебной палаты велись подъ предсѣдательствомъ А. С. Любимова; въ составъ же присутствія вошли: члены палаты, постоянные: Маркевичъ,

Мессингъ, Медвѣдевъ, Шаховъ, Богаевскій; присоединенные члены: за губернскаго петроградскаго предводителя дворянства, петроградскій уѣздный предв. дворянства князь Трубецкой; царскосельскій уѣздный предвод. дворянства Платоновъ; петроградскій городской голова Погребовъ, волостной старшина Александровской волости Михайловъ; обвиняль прокуроръ петроградской судебной палаты В. А. Половцевъ; защитниками подсудимыхъ явились: князь Урусовъ (Успенскаго и Волховскаго), Спасовичъ (Кузнецова, Ткачева и Томиловой), Арсеньевъ (Прыжова), Соколовскій (Дементьевой), Турчаниновъ (Николаева), Хартуляри (Коринскаго) и Делль (Флоринскаго). Предсѣдатель, объявляя засѣданіе открытымъ, объявилъ, что предстоитъ разсмотрѣть дѣло «объ обнаруженномъ въ 1869 году въ разныхъ мѣстахъ Имперіи заговорѣ съ цѣлю ниспроверженія установленнаго въ государствѣ порядка». По этому дѣлу обвинялись 84 подсудимыхъ, раздѣленныхъ обвинительной властью на 11 группъ, которымъ соответствовало столько же обвинительныхъ актовъ. Къ первой группѣ отнесены 11 подсудимыхъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ убійству слушателя Иванова, а именно: 1) двор. П. Г. Успенскій; 2) куп. сынъ А. К. Кузнецовъ; 3) отст. юл. секр. П. Г. Прыжовъ; 4) мѣщ. Н. Николаевъ; 5) сынъ свящ. В. Ф. Орловъ; 6) двор. Ф. В. Волховской; 7) кандидатъ правъ П. Н. Ткачевъ; 8) мѣщанка А. Д. Дементьева; 9) жена полковника Е. Х. Томилова; 10) сынъ свящ. И. И. Флоринскій и 11) сынъ священника М. П. Коринскій (см. «Пр. Вѣстн.» 1871 г. № 156—2 іюля).

Выяснилось, что бывшіе въ петроградскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, весной 1864 года, среди студентовъ безпорядки, имѣвшіе цѣлю добиться молодежью у начальства разрѣшенія имѣть свою студенческую кассу и право собираться на сходки для обсужденія дѣлъ этой кассы, были не болѣе, какъ орудіемъ въ рукахъ людей, преслѣдовавшихъ совѣмъ чинья цѣли, и что въ сходкахъ принималъ участіе, между прочимъ, состоящій въ то время учителемъ Закона Божія въ приходскомъ Сергіевскомъ училищѣ въ Петроградѣ Сергій Нечаевъ, по соглашенію котораго съ другими лицами тайнаго общества печатались въ типографіи Дементьевой воззванія и прокламаціи, распространителемъ и хранителемъ которыхъ въ Москвѣ былъ прикащикъ княжнаго магазина Черкесова—Успенскій, а при обыскѣ въ книжномъ магазинѣ Черкесова найдены были экземпляры революціоннаго воззванія отъ «Русскаго отдѣла всемірнаго революціоннаго союза», стихотво-

реніе Огарева «Студентъ» и др. Это дало поводъ къ обыскамъ у многихъ, имена которыхъ значились въ спискахъ, найденныхъ у Успенскаго и у его нѣкоторыхъ единомышленниковъ.

Этимъ путемъ обнаружилось, что 3 сентября 1869 г. прибылъ въ Москву изъ Женевы Нечаевъ, который убѣдилъ Успенскаго составить тайное общество, для подготовки народа къ возстанію, съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка. Къ этому времени Нечаевъ, по указанію Успенскаго, завязалъ знакомства съ слушателями Петровскоі академіи, гдѣ Нечаевъ слылъ подѣ именемъ Ивана Петровича Павлова. Здѣсь послѣдній организовалъ изъ слушателей тайное общество, съ цѣлью распространенія въ народѣ идеи о ниспроверженіи существующаго порядка, указывая при этомъ на 19-е февраля 1870 г., какъ якобы самый удобный для народнаго движенія день.

Чтобы придать своей пропагандѣ болѣе убѣдительный видъ, Нечаевъ велъ сношенія съ поступающими въ тайное общество членами, посредствомъ особыхъ бланковъ, отъ «Комитета народной расправы», съ топоромъ, и составилъ для руководства общія правила организациі и правила сѣти для отдѣленій. По этимъ правиламъ лица, согласившіяся вступить въ тайное общество, должны были сначала составить кружки, каждый въ 5 человекъ; изъ кружковъ должны были образоваться отдѣленія и т. д. Первыми членами этой организациі въ Петровскоі академіи были слушатели: Долговъ, Ивановъ, Кузнецовъ и Римпау, и къ каждому изъ нихъ принадлежалъ особый кружокъ изъ другихъ завербованныхъ ими слушателей.

Когда уже производились обыски для обнаруженія тайнаго общества, въ прудѣ Петровскоі академіи, 26 ноября, какъ уже сказано, случайно, найденъ трупъ слушателя академіи Ивана Иванова. Сопоставка фактовъ: состояніе Иванова въ спискахъ тайнаго общества и убійство его не съ цѣлью грабежа подало поводъ подозрѣвать, что смерть Иванова послѣдовала отъ руки человека, заинтересованнаго въ его гибели, или имѣвшаго основаніе мстить ему.

Задержанные Успенскій и Кузнецовъ объяснили, что убійство Иванова совершено ими, съ участіемъ Нечаева, отсл. колл. секретаря Ивана Прыжова и моск. мѣщанина Николаева, по слѣдующему поводу: Нечаевъ, онъ же Павловъ, постоянно убѣрялъ ихъ, что онъ дѣйствуетъ отъ имени комитета, приказанія котораго должны быть непрекословно исполняемы; что, вербуя такимъ обра-

зомъ членовъ тайнаго общества между слушателями Петровской академіи, онъ завербовалъ и Иванова, который хотя и согласился вступить въ общество, но затѣмъ въ собраніяхъ общества постоянно заявлялъ недовѣріе къ словамъ Нечаева о комитетѣ, не желалъ безпрекословно подчиняться приказаніямъ послѣдняго, объявляемымъ черезъ Нечаева и вообще высказывалъ строптивость, намекая даже на то, что онъ отдѣлится отъ общества и образуетъ новое, подъ своимъ главенствомъ. Это возмущало Нечаева, который сталъ возбуждать вопросъ объ обузданіи Иванова, и по этому поводу Нечаевъ, Успенскій, Кузнецовъ и Прыжковъ сходились въ Москвѣ, на квартирѣ Успенскаго, гдѣ и былъ составленъ планъ отдѣлаться отъ Иванова убійствомъ его, для чего условились предварительно увлечь его въ академическій гротъ-руину, съ цѣлью устройства въ немъ типографіи, а потомъ, именно 21 ноября, собрались они у Кузнецова, куда пришелъ также и Николаевъ, и тутъ положено было Николаеву отправиться за Ивановымъ, чтобы привести надъ нимъ въ исполненіе предпринятое убійство, которое и было исполнено вечеромъ, 21 ноября. Ивановъ завлеченъ былъ въ гротъ Николаевымъ, гдѣ его ожидали: Нечаевъ, Успенскій, Прыжковъ и Кузнецовъ, и когда онъ вошелъ, то Нечаевъ бросился на него первымъ, за нимъ другіе, начали душить; потомъ Нечаевъ, взявъ у Николаева револьверъ, выстрѣлилъ Иванову въ голову, сзади. Послѣ этого навязаны были камни на шею и ноги Иванова, трупъ оттащили въ прудъ, куда и бросили.

При дальнѣйшемъ развитіи дознанія выяснилось, что послѣ убійства Иванова, 22 ноября, А. Кузнецовъ съ Нечаевымъ выѣхали изъ Москвы въ Петроградъ, гдѣ Нечаевъ и Кузнецовъ привлекли нѣкоторыхъ студентовъ Земледѣльческаго и Технологическаго институтовъ, Медицинской академіи и частныхъ лицъ къ вступленію въ члены образованнаго Нечаевымъ въ Москвѣ тайнаго общества. Когда усилившіеся аресты, обыски и пр. показали, что Нечаеву опасно было оставаться въ Россіи, онъ изъ Петрограда возвратился въ Москву, откуда подъ чужимъ именемъ, какъ выяснилось на судѣ, съ паспортомъ товарища удралъ за границу, въ г. Женеву.

Такимъ образомъ разбиралось дѣло 11 лицъ безъ главнаго ихъ вожака Нечаева, котораго судили, кажется, года два спустя.

Не представляетъ для даннаго случая интереса разборъ самаго дѣла даже обвиняемыхъ первой группы, хотя просматривая его теперь, почти 45 лѣтъ спустя, съ большимъ удовольствіемъ

читаются рѣчи столь извѣстныхъ въ то время присяжныхъ повѣренныхъ, какъ-то: московскаго—князя Урусова, петроградскихъ: Спасовича, Турчанинова, Стасова, Герарда, Потѣхина (извѣстнаго драматурга), Арсеньева и др. Змѣчательною чуткостью къ заблудшимся подсудимымъ дышали вопросы члена засѣданія предводителя дворянства князя Трубецкого и др. Ясно лишь стало, что личность Нечаева—бездарна, ничтожна, подла, дышала озлобленіемъ, но фатально дѣйствовала на молодежь именно своею живостью, въ которую быть можетъ онъ самъ вѣрялъ и которой увлекалъ юношей, слѣпо довѣрившихъ ему, вѣрившихъ въ существованіе какого-то комитета тайнаго общества, гнѣздящагося гдѣ-то за границей, пользовавшагося «эфемерной» силой. Много этою человѣкъ причинилъ горя лицамъ, семьямъ, разбивъ карьеру первыхъ, лишивъ опоры другихъ... Гуманность приговоровъ Судебной Палаты какъ разъ соотвѣтствовала, если можно такъ выразиться, юнымъ увлеченіямъ, неокрѣпшей волѣ, во многихъ случаяхъ — неразвитости и даже слабоумію. За убійство Иванова, какъ за тяжкое преступленіе, наказаны 7 человѣкъ; одни — какъ исполнители «приговора», другіе — какъ загипнотизированные пособники убійства и свидѣтели его. Личность Иванова оказалась также не интересною. Изъ характеристики данной при разборѣ этого колоссальнаго дѣла оказалось, что Ивановъ былъ сварливый, неуступчивый, ищущій вездѣ господства, не уважающій мнѣній другихъ, наконецъ, довольно бездарный, а для насъ, его современниковъ, — носителемъ какихъ-то затаенныхъ идеаловъ, которыхъ никто изъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, дававшихъ свои показанія о личности Иванова — не зналъ, да и зналъ ли самъ носитель ихъ, рисовавшійся своею молчаливой сосредоточенностью.

Я оставался на фермерскихъ мансардахъ до конца первой трети декабря 1869 года. Всѣ жильцы этой башни разсѣялись. Исчезъ съ своею гитарой и Э...въ. Приходилось ждать, пока не выяснится, что меня, какъ сосѣда покойнаго Иванова, не потребуютъ къ дачѣ какихъ-либо показаній. Но время шло, ежедневно увеличивая число арестованныхъ, а къ намъ, или, собственно, ко мнѣ, никто не являлся.

Въ это время я получилъ приглашеніе отъ одного извѣстнаго въ Москвѣ своимъ богатствомъ семейства — принять урокъ или вѣрнѣе — роль воспитателя единственнаго его сына. Не говоря уже о

матеріальной выгоды для студента этого предложенія, оно до извѣстно степени вводило меня въ невѣдомую мнѣ среду имущественныхъ аристократовъ. Родители моего, очень милаго ученика, 9—10 лѣтняго славнаго мальчугана, не жалѣли средствъ на добрыя дѣла: они содержали (обеспечивъ матеріально) одинъ изъ большихъ московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, народную столовую, нѣсколько руководѣльныхъ школъ для дѣвочекъ и мн. др. Глава семьи, кромѣ того, былъ меценатомъ только что открывшейся въ Москвѣ консерваторіи, первымъ директоромъ которой былъ Ник. Григорьевичъ Рубинштейнъ, а въ числѣ преподавателей впоследствии знаменитый Чайковский. Первый давалъ уроки музыки на рояли старшей дочери въ этой семьѣ, прелестному 14-ти—15-ти лѣтнему подростку, одаренному богатымъ контральто. Пѣнію обучала барышню извѣстная въ то время артистка Императорской Оперы, г. Дезире-Арто. Съ этими и другими знаменитостями и мнѣ пришлось познакомиться. Проживъ въ этой семьѣ до конца 1870 года, я написалъ кандидатскую диссертацию, одобренную Совѣтомъ Академіи, подготовилъ моего ученика къ экзамену въ гимназію, куда онъ и поступилъ. Получивъ дипломъ, кажется, въ декабрѣ 1870 года, я отправился въ Петроградъ для поступленія на государственную службу.

Вскорѣ стало извѣстнымъ, что наша «Alma mater» подверглась различнымъ реформамъ: сперва уничтожены свободное слушаніе и свободное преподаваніе въ Академіи и введены болѣе строгое подраздѣленіе между С.-Хозяйственнымъ и Лѣснымъ отдѣлами, установлены переводные экзамены съ курса на курсъ, введена инспекція и административный профессорскій судъ для студентовъ. Затѣмъ закрыто Лѣсное отдѣленіе, какъ бы переведенное въ Петроградъ, гдѣ и теперь существуетъ подъ названіемъ Императорскаго Лѣснаго Института, а съ 6 іюня 1894 года, новой, повидимому, радикальной реформой перестало существовать и самое названіе «Петровской Академіи», переименованной въ «Московский Сельско-хозяйственный Институтъ». Конечно, дѣло не въ названіи, и при встрѣчѣ съ однимъ изъ моихъ профессоровъ, на вопросъ: доволенъ ли онъ этимъ переименованіемъ, онъ отвѣтилъ: «да вѣдь ничего не измѣнилось..., то была «Петровская Академія, а теперь «Московский С.-Хозяйственный Институтъ... и больше ничего»...

Въ Петровскомъ-Разумовскомъ, которое издавна было Царской вотчиной, и гдѣ дѣтство проводилъ царевичъ Петръ, которому вотчина принадлежала и послѣ того, какъ онъ вступилъ на престолъ.

Потомъ эта вотчина принадлежала его дочери, царицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, подарившей вотчину К. Г. Разумовскому; отсюда и названіе «Петровское-Разумовское», которое куплено было для будущей Академіи у нѣкоего Шульца.

Однако, намъ, первымъ слушателямъ Академіи, какъ директоръ, такъ и профессора — члены строительной комиссіи, передавали, что Академія названа «Петровскою» въ память Императора Петра I, и никто не производилъ этого названія отъ «Петровскаго-Разумовскаго», какъ неправильно и теперь еще перѣдко называютъ Академію «Петровско-Разумовской».

Въ первомъ уставѣ Академіи и въ послѣдующихъ его изданіяхъ нигдѣ не констатируется фактъ названія Академіи «Петровскою» отъ священнаго для всѣхъ русскихъ имени «Петра Великаго», но что это фактъ несомнѣнный, вѣроятно, можно найти въ архивныхъ дѣлахъ того времени, когда возникла мысль объ открытіи въ центрѣ Россіи, подъ Москвой, въ бывшей Царской вотчинѣ, высшаго сельско- и лѣсо-хозяйственнаго учебнаго заведенія. У всѣхъ насъ, учащихъ въ Академіи, не зарождалось сомнѣнія въ томъ, что Петровская Академія названа такъ въ память о Петрѣ Великомъ. Да и какъ могло зарождаться такое сомнѣніе, когда все, что мы слышали по преданію и что видѣли, вполне подтверждало это: старинная, въ стилѣ до-Петровскомъ, церковь во имя святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, церковная книга «Апостолъ» съ факсимиле Царя Петра, «Петровский» Гротъ (вандално, говорятъ, разобранный послѣ нечаевской исторіи), главную аллею въ паркѣ называли также «Петровской», а, быть можетъ, въ церкви хранятся и другія доказательства того, что названіе мѣстности «Петровскою» происходитъ отъ славнаго имени Петра Великаго.

Изъ хранящейся въ Академіи копии съ межевого плана 1763 года видно, что въ то время теперешніе кварталы лѣсной дачи: 7, 8 и 11 (см. планъ 1892 г. дачи), были заняты угодьями сельца Астраламоваго, переименованнаго русскимъ говоромъ изъ «Амстердама», несомнѣнно, названнаго по волѣ Петра Великаго, въ воспоминаніе о любимомъ имъ голландскомъ городѣ Амстердамѣ. Часть построекъ этого сельца, по свидѣтельству М. К. Турекаго, находилась тогда тамъ, гдѣ теперь въ кварталѣ 11 вытѣлены насажденія, обозначенныя буквами *a*, *b*, *f* и *g*, которыя и до сихъ поръ, въ качествѣ угодій, посятъ народное названіе «Царскаго луга» или «Царекаго мѣста». Нѣсколько летъ, посаженныхъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ, уцѣлѣли до сего дня, видимо, были посажены около какой-то

постройки, а преданіе гласить, что на этомъ мѣстѣ была ферма «Амстердамъ», которую посѣщалъ Петръ Великій.

Теперь спросимъ: согласно ли было съ понятіемъ, которое связано съ словомъ «академія» — уничтожить его въ титулѣ учебнаго заведенія; не противно ли это даже этикѣ и не заключалась ли въ этомъ нѣкоторая обида, всему просвѣщенному Русскому Обществу, привыкшему съ понятіемъ слова «Академія» связывать представленіе о болѣе высокомъ храмѣ науки, при томъ только о высшемъ учебномъ заведеніи, между тѣмъ, какъ слово «Институтъ» заключаетъ самыя разнородныя понятія, части, означающія совокупность юридическихъ дѣйствій, обнимающихъ одно или нѣсколько, взаимно связанныхъ юридическихъ отношеній; такъ, на примѣръ, говорятъ объ институтѣ, собственно, «семья»; объ институтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, институтѣ актуаріи, институтѣ международного права и т. п.; а на ряду съ этимъ названіе «Институтъ» присвоено многимъ высшимъ заведеніямъ, къ которымъ какъ-то и нейдетъ названіе «Академіи» — такое-ли: путей сообщенія, горный, технологическій и т. п.

Какъ извѣстно, у древнихъ «Академіей» называлась мѣстность, находившаяся въ 2 верстахъ къ Сѣверо-Западу отъ Аѳинъ, названная такъ отъ имени мнотическаго аѳинскаго героя Академоса.

Указанную мѣстность Гиппархъ, сынъ тирана Пизистрата, окружилъ стѣною и назначилъ для гимнастическихъ упражненій, а Кимонъ аѳинскій украсилъ посадкою разныхъ породъ деревьевъ, кустарниковъ и цвѣтущихъ деревьевъ, для ухода за которыми провелъ въ «академію» — воду. Кромѣ того, «академія» посвящена была Палладѣ-Аѳинѣ и заключала множество алтарей и изображеній различныхъ божествъ. Съ 388 г. до Р. Х. тѣнистыя аллеи «академіи» служили любимымъ мѣстомъ прогулокъ и собесѣдованій Платона съ учениками и друзьями, которыхъ великій философъ поучалъ. Послѣ смерти Платона, поребеннаго недалеко отъ «академіи», послѣдняя не переставала служить мѣстомъ его школы, которая и стала называться «академической».

Въ исторіи классической философіи извѣстны три академіи: древняя академія, основанная дѣйствительными учениками Платона (Спевзишомъ, Кинократомъ, Полемономъ и Кранторомъ); средняя академія, основанная около 244 лѣтъ до Р. Х. Аркезилаемъ и новая академія, основанная около 166 г. до Р. Х., во главѣ которой стоялъ Коржалъ. Всѣ онѣ по богатству растительностью похожи были на аѳинскую. Цицеронъ, боль-

шой приверженецъ академической философіи называлъ академіей одно мѣсто въ своей виллѣ, при Тускулумѣ, представлявшей большую крытую залу (портикъ), обрѣженную тѣнистыми аллеями и устроенную самымъ удобнымъ образомъ для произнесенія рѣчей, собесѣдованія съ друзьями и уединеннаго созерцанія. Названіе «академіи» Цицеронъ далъ также своей виллѣ, находящейся въ Кампаніи, у Авернскаго озера. Здѣсь Цицеронъ написалъ свои знаменитыя «*Questiones Academicae*».

Въ XV вѣкѣ, съ возрожденіемъ классическихъ наукъ, названія «академій» стали примѣнять къ ученымъ обществамъ и къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ для наукъ и искусствъ.

Основываясь на понятіи объ «академіи» у классическихъ народовъ, основанныхъ въ Афинахъ и на виллахъ Цицерона, нельзя не согласиться, что къ такому высшему учебному заведенію, какъ Московскій с.-хоз. институтъ, вполне подходящее названіе «академіи»: все тамъ имѣется — богатая аллея, разнообразныя деревья и кустарники, множество цвѣтовъ, красивый и обширный водоемъ, портики, пролы, мѣста для уединеннаго созерцанія, для экскурсій и собесѣдованія съ профессорами и т. п.

Будемъ же надѣяться, что въ полулѣтковой день существованія одного и того же высшаго учебнаго заведенія, подъ двумя названіями возбуждено будетъ ходатайство о восстановленіи прежняго титула учебнаго заведенія, съ сохраненіемъ въ немъ имени Петра Великаго, какъ перваго сельскаго и лѣсного Хозяина земли русской.

Что титулъ учебнаго высшаго заведенія не безразличенъ для самого заведенія и для національной гордости, приведу примѣръ изъ исторіи высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія въ Галиціи: въ 20 верстахъ отъ г. Львова существуетъ, въ Дублянкахъ высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе, съ курсомъ подобнымъ тому, какой существуетъ для вѣнской «*Hochschule für Bodenkultur*». Галиційское высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе содержится на средства страны, съ небольшими ассигнованіями отъ Министерства Земледѣлія, въ Австро-Венгріи. Около 10 лѣтъ тому назадъ Галиційскій сеймъ возбудилъ ходатайство о присвоеніи Дублянскому высшему сельско-хозяйственному учебному заведенію титула «Сельско-хозяйственной академіи», въ Дублянкахъ». Нѣсколько лѣтъ, изъ-года въ годъ повторялось это ходатайство сейма и каждый разъ рейхстагъ, въ Вѣнѣ, не соглашался на удовлетвореніе этого ходатайства націа. Только на 6—7 году благодаря особенно благопріятному составу народныхъ представи-

телей въ рейхстагѣ ходатайство Галиційскаго сейма уважено. Теперь Галиція имѣетъ высшее сельско-хозяйственное учебное заведеніе съ титуломъ «Дублянская сельско-хозяйственная академія», которая съ достоинствомъ носитъ это званіе, чему доказательствомъ служатъ выдающіеся труды профессоровъ и хорошая подготовка окончившихъ курсъ въ этомъ заведеніи, чуть ли не ежегодно дающаго ученыхъ агрономовъ и для Россіи. Немало дублянскихъ бывшихъ воспитанниковъ служатъ у насъ специалистами, земскими агрономами, управляющими чужихъ имѣній и ведутъ свое хозяйство.

Пожелаемъ же и для нашего высшаго сельско-хозяйственного учебнаго заведенія подобной «выѣшней» реформы, т. е. только въ титулѣ, такъ какъ настоящее состояніе этого высшаго учебнаго заведенія вполнѣ удовлетворяетъ предъявляемые къ нему запросы, при современномъ состояніи агрономической науки.

Этимъ мы и закончимъ наши воспоминанія о бывшей Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, самаго перваго періода ея существованія, давшей немало выдающихся дѣятелей въ области сельско- и лѣсо-хозяйственной промышленности, въ научномъ и практическомъ направленіяхъ. Эти дѣятели за свое образованіе заплатили Отечеству десятки и сотни милліоновъ, научивъ русскихъ хозяевъ собирать 2 полезныхъ зерна тамъ, гдѣ раньше не собирали и одного, и выращивать 2 куб. фута полезной древесины, гдѣ раньше были пустыри!

Василій Гомилевскій, слушатель Академіи 1866—70 г.
